

Алла Дымовская

Маленькая желтая лампа

Алла ДЫМОВСКАЯ

Маленькая желтая лампа

«Автор»

2009

Дымовская А.

Маленькая желтая лампа / А. Дымовская — «Автор», 2009

ISBN 978-5-17-061449-3

<p id="AutBody_0DocRoot">В начале двадцать четвертого века мировое и космическое пространство разделили несколько крупных стран-монополистов, назвавших себя Содружество Семи Держав. Содружество отправило за пределы Солнечной системы корабль невиданной формы и назначения. Он должен был проделать долгий путь по замкнутой дуге, продолжительностью более сорока земных лет, ради единственной цели – найти следы внеземных цивилизаций. Членам экипажа пришлось задуматься – а так ли уж безнаказанны наши поступки? И так ли далеки мы от Бога? Стоит ли искать его в небесных сферах, а не в самих себе?

ISBN 978-5-17-061449-3

© Дымовская А., 2009

© Автор, 2009

Алла Дымовская

Маленькая желтая лампа

Почему мы полетели? Луна была там, а мы – здесь. Только поэтому.

*Бог сотворил человека по образу и подобию
своему, человек ответил ему тем же.*

Из произведений Аркадия и Бориса Стругацких

Сапоги нужно чистить с вечера, чтобы утром надеть на свежую голову.

Первая солдатская мудрость

Разбудил его, что само по себе поразительно, неудобоваримый стук. Это как же надо умудриться – изо всех сил колотить в плексоморфную дверь, совершенно почти не проникаемую для звуковой волны, дабы извлечь поистине барабанную дробь! Не иначе пинали ногами в железных сапожищах, и вот, подняли, вражьи дети, черт их подери! Чтобы прекратить безобразные потуги извне, нарушившие столь бесцеремонно его уединение, пришлось встать и включить систему внешней связи. И стоило разве блокировать накануне, если все равно несносный визитер, кем бы он ни был, разрушил теперь всю долгожданную прелесть честно заслуженного отдыха.

– Доктор Мадянов! А?.. Доктор Мадянов! – раздался чуть хриплый, но весьма наглый голос, в совершенстве оттенков переданный мембраной «мухоловки».

Только сейчас, с трудом идентифицируя незваного пришельца, Арсений ощутил в полный рост всю пагубную безудержность вчерашних излишеств, позволенных себе на «отходном» банкете. А еще хватает нахальства утверждать, будто квазибиотика шагает семимильными шагами вперед! Настоящего, действенного средства от похмелья как не было, так и по сей день нет. Правда, ходил ехидный слушок, якобы Конгрегация Гиппократа нарочно тормозит разработки в этом направлении ради повышения сознательной ответственности личности перед искушением распития. Надо же, КГ выиграла две тотальные нарковойны, отправила в архивные музеи принадлежности для курения никотина, даже бесплатно раздавала «антиазартные» имплантаты погибающим от дурной зависимости игрокам, и все это привело к одному гражданскому крестовому походу, трем погромам их собственной штаб-квартиры разрушению независимой области Лас-Вегаса и переходу самой Конгрегации в прямое подчинение Верховного Прокурора Содружества Семи Держав. Но вот с родным и традиционным справиться не смогли, а может, не захотели, в КГ тоже люди и тоже нуждаются в радостях жизни. Пробовали, конечно, в свое время и заменители этилового ингредиента, дорогие и «полностью безопасные», как утверждали сами изобретатели. Похмельный паралич, превращающий самого жизнерадостного здоровяка в жалобно стонущую развалину, они и вправду не допускали, головная боль, по силе напоминающая высокоотбойную дрель на пике возможностей, тоже не возникала. Зато непонятным образом накатывала такая тоска и щемящая вселенская скорбь, что из-за массовой волны самоубийств после принятия «полностью безопасного» заменителя пришлось все же вернуться к первобытному этиловому, чистому, как помыслы невинной девы, спирту.

Не то чтобы выпил он так уж непристойно много, но... Месяц почти полной бессонницы, тяжелое привыкание в сурдокамере, танталовы пытки психотестами, да еще удручающая неизвестность до последнего дня – утвердят или «зарезжут» в КГ его счастливый билет под грифом

профнепригодности. Имеет же, в конце концов, и он, Арсений, право на маленькую человеческую слабость. К тому же хотя фактический его возраст и перевалил за тридцать восемь лет, биологическое время едва дотягивает до двадцати, а даже в современном мире, несмотря на все усилия квазибиотики, мало кто может похвалиться столь впечатляющим результатом.

– Ну доктор! Ну же! – упорно занудливым голосом бубнила «мухоловка». – Вставайте, не то мне влетит от Командора!.. Вот курва! – и в дверь снова заколотили пудовыми сапожищами.

Последнее замечание окончательно привело Арсения в равновесное состояние и к тому же позволило идентифицировать владельца сапожищ. Точнее, владелицу. Монтана Закериди, непоседливая и очень смазливая девица, однако, как говорят, лучший навигатор-протектор КосмоСпеца. Вчера познакомились как раз на банкете, кажется, правая рука Командора, а кто ближе всего к начальству, тот и получает больше всех, в обоих смыслах. Наверное, ей и вправду попадет в случае неудачной его, Арсения, побудки. Экспедиция еще не началась, а уже предстояло предотвращение возможного конфликта. Ничего не попишешь, такая работа.

– Сейчас открою, – наконец произнес Арсений, усилием воли сфокусировал разбегающийся взгляд, нашел нужный рисунок настенной панели. – Тысяча извинений за неудобство.

– И вам туда же... Пардон, и вам того же, – проворчала, входя, Тана, было件нятно, что она имела в виду, но не стала договаривать. – Одевайтесь, что ли... И пойдем.

– С вашего разрешения, я бы принял небольшую водную процедуру. Весьма освежает и оздоравливает, чего и другим прочим рекомендую, – очень вежливо и подчеркнуто примирительно попросил Арсений и, насколько мог, нежно заглянул нахалке в колючие черно-синие глаза.

– Ну и принимайте, только быстро. А я уж снаружи подожду. Терпеть не могу, когда мужики мечутся среди вороха тряпья и не могут найти собственные трусы! – Тана презрительно хмыкнула и направилась вон.

– У нас не трусы, а термокальсоны! – неизвестно зачем крикнул ей вслед Арсений. Получилось донельзя глупо.

– Вот и ищите ваши кальсоны. Тоже мне шоу для воскресной ц-панорамы, – подколола его девица, впрочем, не злобно, а, скорее, для установления своеобразной иерархической корреляции «ты мне не нужен – и я тебе вроде ни к чему». Очень независимая эта Тана.

А шоу, похоже, она видела. Арсений и сам не знал, зачем ввязался три месяца назад в пошлейшее пропагандистское мероприятие, заранее ведь понимал, что полная дурь. Однако именно эта дурь и привела его на закрытую тренировочную станцию «Древо Игдрасиль», дабы сделаться участником первой экспедиции туда, «откуда не возвращаются». Вроде получилось, сам напросился. Он и не догадывался тогда, каким выйдет главный приз, думал, что за первые десять мирных лет Нового Благоустройства неуместные шутки с человеческими судьбами сошли на нет. Оказывается, ошибся. Впрочем, ничто на свете не мешало ему отказаться, тут уж грех солгать, но из пятнадцати тысяч претендентов, докторов и даже магистров космобиологии, слепая конкурсная удача выбрала именно его, так чего ради стал бы доктор Мадянов праздновать труса? А его родные в Екатеринбурге? Как радовалась мама, хотя ей-то поначалу Арсений не сказал ни слова правды, не осмелился сразу огорошить, а у семейства тоже хватило ума промолчать.

Тана, как и обещала, честно дожидалась его в коридоре – сидела прямо на полу, подвернув под себя правую ногу. А левой методично пинала ближайшую стенку из гипергласа, поверхность послушно и волнообразно прогибалась под ударом и после с легким, но достаточно отвратительным чмоканьем, возвращалась в исходное положение. Тану, однако, мерзкие звуки сильно забавляли.

«Ага, у нее на ботинках стабилизирующие гравиприсадки!» – сообразил вдруг Арсений и тут же понял, откуда взялся давеча стук в его дверь. Использовать довольно нежную и запрительно дорогостоящую обувную конструкцию столь варварским способом было, само собой,

не рекомендовано, если не напрямую запрещено. Но кажется, Тану эти элементарные соображения слишком не волновали. Что же, хорошему навигатору-протектору и не такое с рук сойдет, а вот попробовал бы он, Арсений! Докторов космобиологии, даже с дополнительной специализацией в Э-модулярной психологии вокруг – прудов не хватит, чтобы запрудить! Тут же списали бы «на берег» по дисциплинарному взысканию, как говорили в старину. В смысле, попросту вежливо попросили бы освободить место для более уважительного кандидата. Единственно, что дозволено быку, то есть доктору Мадянову, в присутствии Цезаря, то бишь Командора Хансена, так это выпить лишку в компании непосредственного начальства и с разрешения одного по табельным дням. И то отоспаться не дали, даже с похмелья, вытащили из постели и поволокли бог весть за какой надобностью.

– Наконец-то пожаловали! – довольно резко встретил их Командор – старый пират Юл Хансен, но это была его обычная манера обращения, а вовсе не способ выражения недовольства. Кстати сказать, и старым Юл вовсе не был. Просто-напросто, из всех присутствующих он едва ли не единственный, кто побывал в безумии настоящих боевых действий, застал, пусть и совсем еще мальчишкой-добровольцем, первую нарковойну, в которой КГ только пробовала собственные силы. И вот теперь командует здесь: – Проходите и садитесь у зеленой стены.

Приказал он, конечно, Арсению, потому что Тана, не дожидаясь специального разрешения, немедленно заняла привычное место подле Командора. Арсений уже знал: зеленая стена – это хорошо, это даже отлично. У зеленой стены усаживали тех, от кого требовался на сегодня лишь совещательно-рекомендательный голос. А вот кому выпадала красная – все, труба, жди чрезвычайной работы и целые Гималаи ответственности на собственную голову. Если случалась фиолетовая – тоже ничего, это значило: спросят – отчитайся, натворил – получай, а далее по обстоятельствам. Либо гляди гордым соколом, либо надувайся желчной жабой от обиды. Впрочем, Командор Хансен никого специально не втаптывал в прах, хотя, ежели заслужил, то вставлял по первое число, чтобы второго числа уже не повадно было.

– Завтра стартуем на «Пересмешник», – повторил Командор истину, известную всем. – Последний день на станции не повод для безделья. Касается даже тех, кто на время перелета значится в статусе пассажира. – И Хансен многозначительно посмотрел в сторону смиренных пилигримов, приютившихся у зеленой стены.

«Стало быть, и меня касается», – подумал про себя Арсений. У зеленой стены на сегодняшней переключке сидели лишь трое. Сам доктор, справа от него – желчный и худущий, совсем молоденький астрофизик, недавно взошедшая звезда Кембриджского университета, магистр естественных наук Рамон Эстремадура, испано-мавританских кровей, слева – незнакомый улыбчивый парень, ровесник Арсения, а может, немного и младше годами. Его доктор Мадянов видел вообще в первый раз. По крайней мере, на вчерашнем банкете никого подобного в составе будущего экипажа он не наблюдал. Все же ничего особенно удивительного в этом обстоятельстве не было. Лично он, Арсений, вообще прибыл на «Древо Игдрасиль» в последний момент перед отлетом, его место – лотерейное и призовое и великого значения не имеет. Ко всему прочему, эксперимент показал: для эффективной работы Э-модулярного психолога выйдет только лучше, если он заранее не будет осведомлен о составе группы, в которой ему и надлежит отправлять служебные обязанности. Мало ли почему его улыбчивого соседа не оказалось на банкете! Вдруг человек попросту не переносит классические сочетания «чистейшего и этилированного» с дополняющими его ингредиентами? А за столом отказаться вышло бы неудобным.

Говорят, в прежние времена космогаторы уходили в межпланетное пространство трезвые, как хрустальное стекло, и перегрузки тогда выдерживал далеко не каждый без специальной подготовки. Теперь вот наоборот. Кто не пьет, тот, как говорится, не поэт! Половина транспортных союзов, в первую очередь, конечно, грузовых, борются с этой заразой, только пойдя, проверь! Кругом сплошная автоматика, пилот – лишь придаток на страховой случай, а побол-

тавшись в полном одиночестве хотя бы сутки в плексоморфной банке посреди космических просторов, волей-неволей запьешь. Что еще человеку остается? Раньше летали в паре, теперь же шиш с маслом – экономия людских ресурсов. Однако отбою нет от желающих, а ведь после года такой собачьей работы приходится отлеживаться в квазибиотической камере на очищении и клеточном восстановлении. И платят средне, хотя за одни голые деньги нынче нет дураков пахать, всем подавай перспективу. Беда только, перспективы никакой на космоперевозках нет – разве с грузовых линий на пассажирские, где все же повеселее, а в смысле боевых отличий, так после второго сражения за Демос даже развернутых умеренно военных действий не предвидится в отдаленном будущем. Тем не менее надо сознаться, народу тьма-тьмушая прется, причем лучшие из лучших. Еще и за места дерутся. А спроси их, чего там хорошего, – в ответ услышишь одну ругань и как им опостылело, но все равно никто не уходит, пока не уволят по старости лет.

Иное дело военное патрулирование или научные экспедиции. Но туда пробиться и вовсе невозможно простому смертному. Постоянные экипажи для разведывательных дальних походов по пальцам перебрать можно. Команда пирата Хансена, чудики из группы Лауренсия Монтеньи, да пожалуй, угрюмые и строгие ребята Павла Крамаровского, вот и весь краткий список счастливых. Экспедиция – дело ответственное и хлопотное, тут не просто посылают для того, чтобы лететь, а надо знать, куда и зачем. И еще уметь держать в строгости и относительном повиновении суматошный, гражданский исследовательский штат, самонадеянный и заносчивый. Все равно, претендентов-ученых и не так чтоб очень – по миллиону на каждое место. Арсению вообще повезло вопреки всем законам вероятности, не иначе как без черной магии не обошлось. Но конкурс есть конкурс, может, так оно и бывает, что порой выигрывает равнодушный, вовсе не рассчитывавший на победу, который словно говорит себе: «Пойду, погляжу, как там и чего, на всякий случай, чтобы после не жалеть об упущенной возможности». Оттого подобный конкурсант чаще всего спокоен, рассудителен, главное, не станет переоценивать собственную персону и, значит, использует в борьбе лишь то, что у него есть на деле, а не то кажимое, что навоображал о своих достоинствах.

Арсений повернулся к веселому парню и тоже улыбнулся, как бы для знакомства. Первое правило контакта: принимай линию поведения того лица, с которым имеешь намерение сблизиться. Парень улыбнулся в ответ еще шире. Зубы у него были прекрасные, блестящие и прозрачные, будто венерианские жемчужины, Арсений сразу понял – баснословно дорогостоящий набор органических имплантов. Интересно, где его сосед умудрился лишиться собственных, да еще в такой степени, что не осталось возможности естественного наращивания? Последняя война-то, поди, давно кончилась? Впрочем, не ему судить, мало ли напастей в пространственных походах бывает? Парень наверняка лютый космический волк, ишь какой радиационный загар, и руки, и открытая шея, одни серые, светлые глаза блестят, как два озера среди выжженной пустыни, из коих отведаешь и козленочком станешь. Хотя и глаза те двусмысленные: задорные, но и разбойничье-лихие, в спасательной миссии их сложно представить, в пыльном исследовательском вояже – совсем невпопад, а вот у прицела термоплазменной пушки очень даже выйдет хорошо.

– Доктор Мадянов. Можно просто Арсений, – едва слышным шепотом, слегка повернув голову, представился он парню, выбрав для общения Всеобщий Романский сленг. Все одно, Командор вел совершенно постороннюю для их зеленой стены беседу с интендантом Пулавским о каких-то неукomплектованных амортизационных одеялах, и беседа та характер имела далеко не мирный.

– Галеон Антоний, можно просто Гент, – в тон ему отозвался сосед, стало быть, линия контактного сближения сработала правильно. Проблема амортизационных одеял, судя по всему, парня тоже не заинтересовала.

Приятный человек был этот Гент, по крайней мере, на первый тренированный взгляд Э-модулярного психолога. Очень волевой подбородок, так на старинных гравюрах рисовали тевтонских псов-рыцарей, по-детски пухлые щеки и губы, невероятно густые светло-каштановые волосы, хоть и стриженные ежиком, но столь жесткие и непокорные, что создавалось впечатление колючей и торчащей дыбом изгороди. Но в то же время Арсению чудилось в нем нечто весьма странное, и не странное даже, а как бы непонятное. Скорее тревожно-недоуменное ощущение возникало при взгляде более пристальном, тем не менее это нечто оставалось неопределимым. Как будто вдруг вывел для себя доктор Мадьянов, парень этот состоял весь из совершенно несводимых к одному целому противоположных частей. И рот его, мягкий и добродушно-полный, и гладкие округлые щеки были хороши, а вот же никак не подходили к подбородку и волосам, словно взятые с иного лица. Глазищи, красивые и глубокие, вовсе не сочетались ни с чем.

Разбор недоразумения с одеялами, слава Богу, закончился. Пулавский сел на свое место, добродушная физиономия бедняги теперь сияла той же цветовой гаммой красок, что и фиолетовая стена за его скорбно согбенной спиной. Ничего не попишешь, на то и существует походный интендант, чтобы кругом быть за все виноватым. Да ведь это лишь название должности, а, по сути, пан Пулавский отвечал в экспедиции далеко не за одни клятые одеяла. Страшное дело – походный интендант. На тебе и внутреннее обеспечение всего комплекса жизненного цикла корабля, тут требуются и знания первоклассного космотехника и эколога-прикладника вдобавок контроль за ежедневными потребностями экипажа: кому сколько съесть и чего, да составить диет-план с оглядкой на расчетные рекомендации, чтобы ничего лишнего даром не пропало, но и голодным никто не сидел, плюс ассенизационно-утилизирующий режим и всякая второсортная ерунда, вроде тех же одеял.

У красной стены, не считая Командора, сегодня оказались двое крайних. Задиристая Тана, но ей что, навигаторам не привыкать, у них, как ни день, так веселенькая житуха, главные и самые любопытные объекты для психологов экстремального модулирования. Правда, настоящих навигаторов-протекторов во всей обитаемой системе едва ли наберется десяток, Арсению, можно сказать, повезло еще и в этом смысле. Голубая мечта каждого Э-психолога поработать с подобным пациентом. Беда лишь в том, и это тоже широко известный факт, что сами навигаторы никак не рассматривали себя в качестве несчастных из группы риска, нуждающихся в посторонней помощи, а как раз наоборот. Оттого Э-модулярных психологов на дух не переносили, говорят, имели место отдельные случаи злостного рукоприкладства, но чаще всего навигаторы попросту блокировали любую попытку контакта. Вот и с Таной выйдут проблемы, уже и сейчас видно – нелегко будет установить даже легкие для общения служебно-информационные точки, не то чтобы продвинуться далее на неформально-доверительный уровень. Зато и на борту «Пересмешника» экипажу придется находиться в изоляции совершенно неопределенный временной срок, а стало быть, согласно общепринятой теории вероятностей, либо ишак издохнет, либо эмир скопытится, говоря простым языком.

Зачем, однако, у красной стены расположился надутый павлин из Содружества, было доктору вовсе непонятно. Принимая во внимание глобальную цель их миссии, без представителя пока еще слабо объединенного человечества, разумеется, не обойтись. Но неужели в Совете Рациональной Экспансии сидят законченные идиоты? Разве не видели сии мудрые мужи, кого посылают? Впрочем, этому казусному обстоятельству Арсений тут же нашел и должное объяснение.

Когда двадцать лет назад крупнейшие централизованные и свободно-федеративные государственные образования окончательно изнурили себя в дорогостоящем промышленном и локально-военном противостоянии и, наконец, соединились в Содружество Семи Держав, (еще и до сих пор крайне неустойчивое, но все же действенное), поначалу в Совете заседали совсем другие люди. Энтузиасты, не страшющиеся самой неблагоприятной работы, беззащит-

ные идеалисты-теоретики, готовые обратиться в бескорыстных практиков, отставные генералы, на собственной шкуре изведавшие, какая она, настоящая война. И сам Совет Рациональной Экспансии был создан первоначально с иной целью. Содружество тогда сильно нуждалось в регламентации почти неконтролируемой деятельности полукриминальных и наглеющих с каждым днем космопромышленных компаний, обуздать которые не всегда было возможно одной военной мощью. Требовались и уговоры, и даже изощренные интриги, и неподкупная честность, и безусловная вера в то, что твоя работа – важнейшая для будущих поколений, пускай поколения эти не смогут ее оценить по справедливости.

Но все высокое осталось в прошлом. Как и любую организацию глобальных масштабов, Совет постигла банальная бюрократическая судьба. На место пылких энтузиастов пришли надутые педанты-чиновники, на место идеалистов – карьеристы-словоблуды, боевых генералов постепенно съели досужие бумажные эксперты в погонах. Это не было так чтобы очень плохо, скорее, это было нормально. Обычное дело, когда система приходит в устойчивое состояние. Как бы свидетельство надежности уклада повседневной жизни, зафиксированное в актах и меморандумах, с одной стороны – явный тормоз свободного прогресса, с другой – весьма эффективный дозорный, чтобы «держать и не пущать» человечество в рискованные авантюры. Вот только система эта имела, как и любая до нее, куда как существенный кадровый недостаток. А если говорить конкретно – чрезмерное засилье «плавунов».

Словечко сие, хоть и порядком устаревшее, корнями уходило еще в те незапамятные времена, когда прекрасная земная флора в виде мертвой срубленной древесины транспортировалась единственно своим ходом по руслам полноводных рек. От пристани к пристани, от глухих поселков к большим городам плотоводы сплавливали свои караваны, подталкивали баграми и вязали бревна, и так прогоняли важный для фабрик груз на многие и многие километры вниз по течению. Иногда отдельное бревно терялось, превращалось как бы в полузатопленный и очень опасный камень преткновения, и тогда нужно было непременно выловить его из воды, чтобы избежать разрушительной аварии. «Плавун» в современном его значении конечно же не являлся никаким бревном, хотя характеристика эта весьма бы подошла многим представителям сего замечательного рода чинуш. Кое-кто выражался покрепче, поминая грубую идиому на букву «г», о предмете, что не тонет ни при каких обстоятельствах. Обычно поселялся такой «плавун» или заводился мелкой вошью на нижней служебной ступеньке, где-то в подземных недрах иерархической лестницы, и, немного пообвыкнув и поосмотревшись, немедленно начинал грызть и кусать. Что или кого, неважно. А важным получалось то, что, наушничая или кляузничая по малейшему поводу, однако, с приличной кислой миной страдальца за общественные интересы, «плавун» рьяно въедался в печенки собственному начальству, отчего оно, бедное, не чаяло уже, как избавиться от вредного грызуна. Уволить – немыслимо, затаскают по судебным комиссиям, вступить в неравную борьбу – нажить злопамятного врага, истрепать нервы и окончательно похерить всю основную работу вверенного подразделения. Оставалось лишь одно – перевести с глаз долой. На иное место и, безусловно, с повышением и отличной профессиональной характеристикой. Следующий, уже более высокий начальствующий чин, в свою очередь, промаявшись с «плавуном» сколько хватало терпения, повторял в результате ту же переводную процедуру. Глядишь, и вот уже зловредная вша обогнала в карьерном росте всех прочих, более достойных претендентов, обвешалась регалиями и звучными степенями, уселась, разбухнув от выпитой крови, на самом верху, за всю свою служебную историю так и не совершив не то что благого, а даже единственно полезного мероприятия.

Залетная птица из Содружества явно была отнесена Арсением именно к вышеописанному подклассу «плавунов». Имечко расфуфыренный павлин имел тоже подходящее. Специальный уполномоченный по исполнению регламентарного права комиссар фон Герке-Цугундер. И у красной стены он сел сам по себе, а вовсе не по командорскому повелению, догадался неожиданно Арсений. Чтобы подчеркнуть личный ранг и обозначить собственное место на

равной ноге с высшим экспедиционным начальством. Никаких сверхважных дел никто комиссару поручать не собирался, спрашивать о результатах тем более. Зато лично Герке-Цугундер беспокойно ерзал в своем кресле-кокроне, и не оттого, что неудобно ему сидеть. Подобного рода зуд Арсению хорошо был знаком. Обычно возникал он у бестолково говорливых ораторов, коих хоть прибай, а только дай обратиться с речью к подневольной публике. Часика этак на два. Командор, видимо, о признаках синдрома словесного переливания воды осведомлен был не хуже доктора Мадянова и потому нарочно старался не обращаться взором в сторону надутого, как рождественский гусь, правительственного чиновника. Уж, наверное, сладить в походе с комиссаром Совета выйдет нелегко, но лишь на первых порах. Он, Арсений, мог бы утешить Командора Хансена на этот счет. Неделью-другую фон Герке-Цугундер, конечно, станет дуться серой мышью на крупу, а там глядишь, и забегает, умилительно заглядывая в глаза каждому встречному, нужному и ненужному. Ведь чиновник-«плавун», подобный комиссару, не может жить без родимой системы, как нерожденный младенец без пуповины. От нее питается, от нее и ума набирается. В смысле охоты на каверзные подлости. А кого в их единственном в своем роде походе запугаешь доносами и начальственными призывами к порядку? Тут бы вернуться, тоже еще вопрос! И вообще, черт с ним, с Герке-Цугундером, и так уже Арсений потратил битых полчаса на пустые размышления об его глубинной, как лодка-плоскодонка, сути.

Правда, и вокруг ничего интересного до сих пор не произошло. Молоденький астрофизик из Кембриджа задавал «совещательные» вопросы, его, унылого и длинноносого, волновало, позволят ли ему по пути подобраться к какой-то там комете. Пират Хансен кривился, не говорил ни да, ни нет, видно, отказывать напрямую уважаемому сеньору Эстремадуре ему не хотелось, а связываться с посторонней кометой тем более. Потом довольно нудно и долго читала по голографическим запискам свой отчет доктор металингвистики Мелоун, миловидная блондиночка усредненного возраста, о таких еще говорят: маленькая собачка и в старости щенок. Не далее как вчера она излишне шумно веселилась на «отходной» вечеринке и уверяла Арсения, что тот запросто может называть ее Кэти. Приятная женщина, ничего не скажешь, такая яркая в вечернем наряде и немного тусклая в обычной форме рядового космогатора. Впрочем, одернул себя Арсений, он не справедлив к даме. Посмотрел бы на собственную персону сегодняшним утром! После атомной смеси джина со взбитыми перепелиными яйцами, вылитой прямо в коктейль из белых вин, поневоле будешь выглядеть тускло с ураганного похмелья.

А доктор Мелоун именно это и пила, Арсений сам наблюдал во все глаза. Тут подивиться бы, что Кэти вообще удалось прийти собственными ногами на генеральное предстартовое совещание. Однако и вопросы, лежавшие в ее ведении, касались не только предполагаемой профессиональной деятельности доктора Мелоун в случае обнаружения любого вида контакта. Но и контроля за информационным хранилищем корабля, и последующей аналитической обработки всевозможных данных: от сигналов, идущих с Земли, до случайных обрывков посланий или периодических, устойчивых излучений, подлежащих лингвистической классификации.

Кэти бубнила тоже добрых полчаса. Еще немного, и Э-модулярный психолог Мадянов опозорил бы свои будущие седины вульгарным храпом. Но все на свете имеет свой конец, даже генеральное предстартовое совещание. Начальственным басом Командор Хансен прекратил мучения вверенного ему экипажа и пассажиров, назначив общий сбор на борту челнока-перевозчика через восемь часов, то есть по земному времени действительно уже завтра. Потом отключил цветовую градацию совещательных секторов, превратив комнату в нормальное помещение с приятно серебристыми покровами на стенах. Комиссар фон Герке-Цугундер поднялся с кисло-недовольным выражением на дубовой физиономии, у него явно случился застой черной желчи от нереализованного вовне словарного запаса. Приятный парень Гент и сам Арсений так и не произнесли перед публикой ни единой фразы и тихо радовались этому обстоятельству. Тем более никаких конструктивных выражений доктор Мадянов в запасе не имел, а сотрясать воздух попусту не любил вообще, особенно после ночных изли-

шеств. В походе ему еще предстоит часами трепать языком, выполняя свою непосредственную работу, а куда денешься, если ты Э-модулярный психолог. Какую роль в экспедиции предстояло играть приятному парню Генту, доктор, честно говоря, не имел ни малейшего понятия.

Когда Арсений нетвердым шагом плелся по коридору обратно в свой отсек, предвкушая прелести восьмичасового безделья, от которого так строго предостерегал Командор Хансен, его ухватили за правое запястье чьи-то холодные, цепкие пальцы и каркающий знакомый голос произнес:

– Вы, разумеется, впервые на «Древе Игдрасиль»? – Это был юный Рамон да Эстремадура собственной тощей персоной.

– А вы не поверите, я вообще в первый раз на Луне! – отвечивал ему Арсений, считая разговор на этом исчерпанным.

– Тем более, коллега, тем более! Я тут уже второй месяц торчу на предстартовой подготовке! – воскликнул магистр-астрофизик и уцепился за Арсения еще крепче прежнего. – И просто обязан устроить для вас ознакомительную экскурсию! Просто обязан!

– Благодарю покорно. Но не стоит утруждаться, – попытался вежливо отказаться Мадянов.

– Уже, – угрюмо сказал ему настырный Рамон. – В том смысле, что я уже утрудился. И заказал для нас вездеход. Так что, с вашей стороны...

– Да-да, конечно, – стараясь держаться в рамках покорно-радушного согласия, перебил его Арсений. Черт бы побрал этого звездочета! Нарочно тащит его невесть куда, чтобы излиться в слезливых откровениях. Уж таковы интеллектуалы, лишь завидят на горизонте Э-модулярного психолога, который им в принципе ни за каким фигом не нужен, так подобно прожорливым голубям слетаются на него, будто на памятник, дабы испражниться чувствами и настроениями. Он мог бы, конечно, послать пытливого астрофизика куда подальше, ведь поход еще не начался, а стало быть, и сам Арсений еще не приступил к своим обязанностям. Но не хотелось портить отношений в самом начале знакомства. Тем паче, что молодежь обидчива. Поэтому он ответил Эстремадуре как можно более умиротворяющим тоном: – Если уж вам так желательно заняться моим просвещением, я готов. Извольте.

В военное время значение синуса может достигать четырех.

Вторая солдатская мудрость

– Хорошо пошли! Принимая во внимания возраст этой штуки, – отпустил первое замечание Арсений. Как ни странно, до сих пор его предполагаемый навязчивый собеседник величественно безмолвствовал, словно мраморный обелиск на одинокой могиле. А ведь уже успели сесть в вездеход и даже покинуть переходную камеру.

– Нормально. Транспорт наш, конечно, рухлядь, тут вы правы, – кивнул Эстремадура, со стороны же казалось, будто ворона клювом поймала муху. – Для забав иного и не дадут. Хотя наше ползучее корыто вполне безопасно. Гравитационная модель первого поколения, тогда собирали на совесть. В нем одних металлоконструкций восемьдесят процентов.

– Не в моих силах оценить, плохо это или хорошо, – сонным голосом откликнулся Арсений. Мягко покачивающийся вездеход действовал на него отнюдь не тонизирующим образом.

– Специализация, понимаю. Вы не поверите, коллега, но в истории человечества были такие времена, когда понятие «ученый» значило осведомленность в любой существующей области тогдашних наук. И в несуществующей, впрочем, тоже... На сегодняшний день даже аналитические метафизики не в состоянии уразуметь, чем заняты исследователи в соседней с ними сфере.

– Меня всегда умиляли радужные картинки, нарисованные для нас фантазерами еще в прошлой эпохе, – несколько оживился, в свою очередь, Арсений. Разговор, несмотря на приличную разницу в возрасте, обещал состояться интересный. Зря, он, наверное, ополчился заранее на скучного видом астрофизика. Однако это приятное разочарование, которое крайне редко случается в жизни Э-модулярного психолога. – Разумный человек будущего, способный постичь всевозможные аспекты знаний одновременно. И звездный корабль построить, и самому же на нем летать, попутно сочиняя стихи или двигая вперед биологические науки. Кажется, еще полагалось врачевать наложением рук, считать в уме тройные интегралы со скоростью света, понимать язык птиц и зверей, да в придачу быть светилом в области педагогики и этического права. А человеческое сознание может вместить ровно столько, и плюс вот столько, и ни настолько больше своего предела. Вы застали глупейший эксперимент в бермудских лабораториях или по возрасту были слишком молоды?

– Когда ура-добровольцев поджаривали на излучателях в «футур-камере», чтобы запустить их мозги на максимальную рабочую мощность? – неуверенно припомнил Эстремадура.

– И запустили. И разницы никакой не увидели. Может, конечно, добровольческие мозги и стали шевелиться вдвое быстрее, однако их собственное «Я» сколько воспринимало информации изнутри или извне, столько и оставило за собой. Все излишнее так и не выплыло на поверхность. Это, как если бы вашего домашнего квазиповара включили на банкетный режим, но за столом оказались лишь вы один. Все равно вы были бы в состоянии съесть единственный обед, а прочую пищу отправили бы за ненадобностью на помойку для переработки.

– Весьма образное сравнение. Ограниченность, инерция, энтропия мышления, называйте как хотите. Все-таки уважаемый гомо сапиенс ленив от природы и таковым останется во веки веков. И это к лучшему. Знаете ли, уважаемый коллега, я предан своей работе в области астрофизических знаний, как говорится, всей душой. Но вот дайте мне лишь повод побездельничать вволю, и уж я своего не упущу. После мне, разумеется, станет невыносимо стыдно, еще позднее даже тоскливо. И я со всем пылом вновь возьмусь за свою работу, иначе само мое существование потеряет смысл. Так будет продолжаться до следующего повода к ничегонеделанью. А затем все повторится сначала, – на этом месте Эстремадура мечтательно умолк, но скоро вернулся к своим рассуждениям. – Как только представлю – вместо того, чтобы в перерывах моей профессиональной деятельности смотреть пошлейшие каналы ц-панорамы и после громко ругать их с приятелями, пить, пардон, увеселительные напитки, морочить головы барышням или валяться на подушках, попросту глядя в потолок, я... бр-р-р! Вообразить муторно, я должен буду самосовершенствоваться в излечении соседских кошек, вдавливать в голову правила классического стихосложения или, боже упаси, читать морали уличному хулиганью! Нет уж, это, милостивые государи, делайте без меня.

Эстремадура настолько вошел в раж под впечатлением от собственной речи, что слишком пылко ткнул пальцем в графическое изображение ускорения. Древний вездеход, не имевший контактных ограничителей, сразу же отреагировал на командное усилие. Машину рвануло вперед, и бедному доктору немедленно врезались под ребра страховочные ленты сиденья.

– Прошу прощения, увлекся. Со мной это бывает, – извинился гад-мучитель и звездочет Эстремадура, свободной рукой он потер левый бок, ему тоже досталось на пару синяков.

– Бросьте, это все пустяки. После вчерашней «отходной молитвы» мне уже ничего не страшно. Кроме верховного гнева Командора, конечно. Даже если бы осуществились мои опасения на ваш счет, уважаемый сеньор Рамон, – и тут Арсений, поймав на себе косой, недоуменный взгляд, счел за лучшее тактику откровенности. – Я, видите ли, ненароком заподозрил вас в интересе к моей персоне, то есть не лично ко мне, а к Э-модулярному психологу.

– Ха! Вы думали, мне нужны эдакие духовные помочи, чтобы передвигаться по жизни? Я всегда, милейший коллега, предпочитал стоять на своих ногах, пускай они безобразно кривые и производят на окружающих отталкивающее впечатление! – сеньор Рамон рассмеялся тем

самым смехом, который в литературе назвали бы не иначе, как сатанински противоестественным, но Арсению понравилось.

– Стало быть, вы действительно утруждаете себя в качестве безвозмездного экскурсовода? Но не кажется ли вам подобная услужливость чрезмерной и жестокой по отношению к человеку, все еще отравленному э-э-э... скажем так, ароматами вчерашнего веселья?

– Вовсе не кажется. Если бы я не спас вас и не вывез на чудные лунные ландшафты, коих вы, по собственному вашему признанию, доселе не видели, то уж Командор нашел бы для вас поручение. И не столь приятное, поверьте! Предаваться естественному побуждению безделья вам бы не дали в любом случае. Но я, в свою очередь, не так и бескорыстен. Для меня ведь тоже могло найтись дело. А теперь мы с вами путешествуем с комфортом и плюс ведем поучительную беседу.

– К черту беседу! Лучше скажите толком, что это за адское место, в которое вы соизволили меня завезти? – Арсений теперь вовсю смотрел на экраны переднего и боковых видов, не отрывая взгляд, и было на что.

– Ах да! Разрешите представить! Перед вами – наш местный Гетисберг! Поле «последней битвы» между Востоком и Западом. Приобрел ли здесь нечто победивший и потерял ли проигравший, трудно анализировать. Ваша страна, доктор, поступила разумнее остальных, отказавшись участвовать на чьей-либо стороне. Однако поставляла оружие и тем и другим, – с некоторым осуждением произнес Эстремадура.

– Требование о блокаде Пекина звучало довольно неумно, – немедленно вступился за державу Арсений. – Если учесть, что мы единственные обладали тогда монополией на транспланетные перевозки. Иначе Западный Стратегический Союз выиграл бы компанию еще до ее начала. Или бы пришлось ввести двустороннюю блокаду; к тому же что это за война без оружия?

– Война без оружия – это отсутствие войны. Ваше государство предотвратило бы кровавый конфликт, разве не так? – уже гораздо более агрессивно спросил сеньор Рамон.

– Не так. Война бы все равно случилась, рано или поздно. Только впоследствии жертв бы вышло куда больше. Иногда лучше не мешать событиям идти своим чередом. Да и потом: свыше ста лет уже прошло с тех нелепых времен... Ого, ландшафт впечатляет! – Арсений вновь поочередно оглядел все три объемных экрана.

«Именно так, наверное, в незапамятные времена старый архаический пень Гесиод представлял себе битву гигантов с Зевсом», – неизвестно почему подумалось доктору Мадянову. Античную классику он почитал и любил, «Теогонию» же вообще ставил превыше иных произведений, даже гомеровских. Хотя ничего общего эти устрашающе сказочные груды разбитого вдребезги титанового хлама не имели и не могли иметь с дивными останками поверженных чудовищ на равнинах древнегреческой мифологической страны. Блестящие в отраженном свете далекой Земли, загадочного устройства агрегаты, летучие, ползучие, шагающие, действительно, будто пробитые молниями. Некоторые скрученные необычным образом, словно хлопотливая хозяйка выжимала мокрое белье, да так и покинула его, не доведя работу до конца. Человеческих скелетов или останков старинных термоскафандров нигде не было видно и не могло их быть. Все давно упокоены в огромной братской могиле близ кратера Циолковского. Но именно из-за явной недостачи вокруг следов людского присутствия картина последней битвы выглядела особенно впечатляюще фантастической. Как если бы страшные эти машины, удручающе громоздкие в своей древности, вели смертный бой исключительно между собой и по собственному почину, горя желанием закрепить превосходство над этой мертвой, враждебной для всякой жизни и чуждой лунной пустыней. И человек, получалось, был здесь ни при чем. Мертвое к мертвому – звучало, словно закон. Ничего тут не выйдет хорошего или поучительного, напыщенный мемориал людской глупости.

– Совсем нет пыли. Будто вчера еще весь этот металлический мусор громил и уничтожал друг дружку, – указал Арсений на невозможно сверкающие и отлично сохранившиеся части конструкций.

– С чего бы ей быть! Каждую неделю отдельный отряд уборщиков приводит наш Гетисберг в надлежащий вид. Иначе здесь давным-давно ничегошеньки бы не уцелело, – пояснил сеньор Рамон, с сильным недоумением обернувшись к Арсению: как это ему неизвестна столь простая вещь?

– А зачем, осмелюсь спросить? Кому это нужно? Разумеется, при нынешнем энергетическом переизбытке можно позволить себе и более дорогостоящую прихоть. Но здесь? – если бы хватило места в салоне, доктор Мадянов от растерянности развел бы руками.

– Как это, кому? А туристы «воскресной школы»? – изумился наивному его вопросу Эстремадура. – Я имею в виду еженедельные образовательные туры на уикэнд. Как же, со всей периферии слетаются, не только с Земли. По выходным на «Древе Игдрасиль» и не протолкнуться. В общей гостиничной части, разумеется. Для доступа в научно-экспериментальный сектор необходим отдельный пропуск, вот такой же, как на нас с вами, – сеньор Рамон указал пальцем на ярко-огненную «липучку» с левой стороны груди, изображавшую то ли раскидистый дуб, то ли недоразвитый баобаб с уморительного вида змеем, обвивающим подножие загадочного растения. – Это потому, что сегодня среда. Иначе бы убедились собственными глазами, какой бардак здесь творится в конце каждой недели. А турист – существо привередливое, желает видеть экспонаты в их первоначальном и даже приукрашенном виде. Вот и приходится чистить, латать и вообще, как это говорится, создавать товарный вид. Да неужели вы никогда не слышали?

– Что-то и где-то, возможно, краем уха, – ради одной учтивости поспешил согласиться Мадянов. Последнее дело, которым бы он занялся в своей частной жизни, – это шляться по Солнечной системе с «образовательными» турами в толпе развевающих рот праздных обывателей, из которых каждый третий воображает себя, по меньшей мере, первооткрывателем Нилом Армстронгом, а каждый второй – геройским капитаном Павлушей Крамаровским. – Но я, по чести признаться, мало интересуюсь подобного рода досугом.

– Надо думать. Вполне с вами согласен, коллега, такое времяпрепровождение уступает по тупости только конкурсным викторинам и панорамам. Из тех, знаете ли, в коих просят угадать, кто первым открыл Америку – сеньор Колумб или же товарищ Гагарин. Вы не поверите, сколько идиотов выбирают именно второй вариант! А олух-ведущий еще смотрит в подсказку, чтобы сверить правильный ответ.

– Однако мы с вами тоже смотрим и слушаем подобный бред, а потом негодуем на дирекцию панорамных каналов, – Арсений произнес довольно рискованное заключение, желая проверить на практике: правильно ли он выбрал линию «откровенного отцовского доверения» с желчным астрофизиком. И тут же убедился, что не ошибся и многолетний опыт его не подвел.

– В том-то и дело. Как я вам уже толковал: человек – ленивое существо. Иногда он разумный, иногда нет. Думаете, завсегдатаи «воскресных школ» законченные тупицы и праздные обормоты? Вы не представляете сколько из них в обычной жизни заняты интеллектуальным и по-настоящему интересным делом! Просто-напросто прирожденный турист существо куда более непоседливое, чем мы с вами. Я специально расспрашивал. Как-то раз мне попался даже один сатурнолог, уж чего он не знал о структуре колец Сатурна, наверное, не знал вообще никто в обитаемой Вселенной. Но вот носила его нелегкая. Наш мемориал он осматривал в третий раз, когда я имел случай с ним познакомиться. И между прочим, спросил его, в чем тут удовольствие. Представьте себе, он мне ответил. Дескать, ему до смерти надоело разъяснять своим дебилам-ассистентам по сто раз одно и то же. Здесь, у нас, он получает положительные эмоции, когда другие делают для него подобную же вещь. И он тоже, в свою очередь, имеет полное законное право стоять в толпе с одуревшим выражением на лице, ничего не понимать, ничего

не запоминать, а заставлять несчастных добровольцев-экскурсоводов распинаться перед ним о совершенно ненужных ему предметах.

– Бывает, да. На моей памяти произошел схожий случай, когда один довольно успешный актер из панорамного театра (имени не назову, профессиональная этика, уж простите) исправно ходил ко мне каждую неделю и бронировал за собой никак не меньше, чем два полных часа. Я, видите ли, долго не мог понять, какого рожна ему от меня нужно? В частных услугах Э-модулярного психолога он не нуждался вовсе, да и стоят те услуги недешево. В космические дали он тоже явно не собирался, так что вопрос профилактики отпадал сам собой. Однажды я, в свою очередь, не выдержал и спросил. И он чистосердечно ответил мне признанием. Все оказалось до смешного банально, настолько, что я даже не сумел вычислить такой простейший ответ. Ему, понимаете ли, было скучно. Регулярно раз в неделю, а то и дважды, он выходил на виртуальную сцену ц-панорамного театра, играл и весьма талантливо разнообразил роли. Но вот беда. Он не видел своего зрителя, хотя любой человек в системе, если его центр-сервис подключен ко всеобщим каналам, мог видеть его. Поэтому он играл передо мной, чтобы воочию лицезреть реакцию живого существа на его актерские способности. Он изобретал несуществующие комплексы и проблемы, всякий день новые, и нарочно морочил мне голову. Я поступил с ним наилучшим образом – дал совет. Пусть соберет часть своих поклонников, скажем, в гостиной собственного особняка, да и устроит им отдельное представление, и так каждый раз, когда ему придет нужда увидеть перед собой живого зрителя. Он соответственно поступил и был мне благодарен, да еще денег подзаработал – находчивый парень, ему пришлось в голову не распинаться перед фанатами бесплатно.

– Да уж, историйка выдающаяся, ничего не скажешь. А нам бы пора двигаться дальше, если вы уже успели насладиться видом мемориальных руин. Скоро сюда придет солнце, и вездеходе станет не очень приятно. Мне бы хотелось непременно показать вам экспериментальные теплицы нашей станции. Это здесь неподалеку, полчаса, не больше. Сам я ни бельмеса не смыслю в оранжерейном деле, оттого без устали готов восхищаться роскошью искусственных садов. И барышни там трудятся прехорошенькие. Когда еще свидимся и свидимся ли?

Арсений охотно согласился на предложение и на барышень. Хотя из уст Эстремадуры несколько странно было услышать откровение по поводу женского пола. Что же, нужно ввести поправку, чудаковатый астрофизик вовсе не страдает избытком нарочитой застенчивости. Образ сеньора Рамона из угрюмо-желчного мизантропического склонения постепенно стал трансформироваться в саркастически-критичный тип скрытого эпикурейца, пусть по молодости лет немного и максималиста.

Эстремадура снова ткнул длинным паучьим пальцем в нужную голограмму, отдавая приказ ветерану-ездеходу избрать курс на станционные оранжереи. Но ничегошеньки не произошло – более того, виртуальный пульт управления, висящий перед ним в пространстве, стремительно начал таять в воздухе и спустя секунду совсем исчез, заодно с ним отключились все три наружных экрана и собственно освещение в салоне. Наступил пренеприятный полумрак, нарушавшийся только пульсацией фосфоресцирующих деталей защитных вакуумкостюмов. А еще через мгновение вездеход с полуметровой рабочей высоты беспомощной жабой шмякнулся о лунную поверхность.

– Примите поздравления! Источник гравитационного питания накрылся! – торжественно и зло произнес сеньор Рамон, тут же, что было сил, двинул хилым кулаком в передний безжизненный экран. – Заблудшая развалюха, и как тебя угораздило!

– Это опасно? – на всякий случай спросил его Арсений, хотя и без особенного беспокойства. Все же нелепо было предположить, что им может угрожать настоящая беда вблизи одной из самых населенных лунных баз. Наверняка мимо шастает уйма транспорта, да и сигнал бедствия несложно подать – нужно лишь активировать сигнальное устройство вакуум-костюма. Что Арсений из предусмотрительности немедленно и совершил.

– Разумно, – одобрил его поступок Эстремадура, – а насчет опасности, так это как сказать. Минут сорок у нас, безусловно, есть. Но после начнет сильно припекать. Как пескарей на сковороде. Система кислородного синтеза, кстати, тоже отключилась, – ворчливым голосом оповестил о ситуации сеньор Рамон.

– Может, попробовать починить? – все еще легкомысленно-беспечно спросил Арсений, не желавший признавать в забавном происшествии большую неприятность.

– Чините. Если знаете, как, а главное, если знаете, что. Мешать не буду, поскольку с устройством гравитационных двигателей знаком только в части самой общей теории принципов их работы. А в реальной жизни моих способностей хватает едва, чтобы выбирать нужные рисунки на голограмме управления, – честно сознался астрофизик.

– Я, с вашего позволения, осведомлен еще менее того. Никогда не имел дела. Я лишь думал, что лично вы, возможно... – слегка заикаясь, произнес Арсений, и в горле у него по нехорошему пересохло. Он закашлял.

– Если я в состоянии распознавать движения небесных тел, то заставить перемещаться эту металлическую бандуру мне и вовсе раз плюнуть. Для гуманитария вы, однако, мыслите весьма логично. Хотя и ошибочно. Так вот. С местной технической фауной я не просто на «вы», я за астрономическую милю снимаю перед ней шляпу. К сожалению, это тоже реалии нашей с вами современности. Чем сложнее агрегат, тем проще его управление. Девять десятых любой искусственной системы как раз и занимают так называемые «посредники» – проводники-переводчики между ней и человеком. В очень давние времена от пользователя требовалось совершить ряд манипуляций, прежде чем заставить трудиться механического помощника. Покрутить ручку, присоединить батарею, установить антенну. Позднее – повернуть ключ, выставить цифры на шкале или сменить предохранитель. Еще далее по лестнице прогресса, и гомо сапиенсу достаточно было нажимать на необходимые кнопки в предписанном порядке или подвести стрелку к нужному окошку на экране. Теперь мы подошли к тупиковому упрощению – ткни пальцем в картинку. Заметьте, даже не в надпись, они ведь могут быть сделаны на разных языках. Именно в картинку. Цветок означает оранжерею, голубой полукруг – центральную базу станции, нарисованные губы – переговорное устройство. И в то же время между картинкой и действительным исполнением приказа лежат миллиарды операций, в основном трансляционного плана. Но обычный человек об этом никогда не задумывается. Ему ведь чинить своих верных слуг и то лень. Он пренебрежительно выкидывает их прочь при малейшем досадном сбое и приобретает себе новых помощников. Что же, экономике это никоим образом не вредит. Беда заключается в том, что у нас с вами другого вездехода нет и взять его в данный момент неоткуда совершенно, – с грустью завершил свой поучительный панегирик сеньор Рамон.

Арсений выслушал его с сочувственным терпением, годы практики научили психолога многому. Не то чтобы Эстремадура желал именно сейчас, в самый неподходящий момент поделиться с ним философическими соображениями и знаниями, на несчастного паренька напал всего-навсего примитивный словесный понос как результат незапланированного стрессового состояния. Одно лишь было худо – подобный признак свидетельствовал о том, что его добровольный экскурсовод оценивает ситуацию, по меньшей мере, как хреново-критическую.

– Как вы думаете, за нами скоро придут? – задал Арсений самый насущный и животрепещущий в этот момент вопрос.

– Определенно сказать не могу, – сеньор Рамон уныло клюнул носом. – Все зависит от того, чье сегодня дежурство. Сигнал о помощи конечно же давно принят и зафиксирован на аварийном пульте. И поверьте, среди экстренных наш призыв никоим образом не значится. Тем более команду эвакуационной бригаде может отдать исключительно вахтенный наблюдатель. Сегодня у нас среда, значит, выпадает смена либо старины Мбо, либо кретина Рачека. Второе плохо. Рачек способен только полдня выяснять, отчего и почему взят вездеход и на

каком основании, потом он попытается установить с нами связь, у него выйдет кукиш, и Рачек побежит по начальству. К этому времени мы с вами, коллега, будем представлять собой вареные вкрутую яйца, если, конечно, сами что-то не придумаем. У нас, кстати, осталось примерно двадцать пять минут. И советую пристегнуть головную часть костюма – воздух кончится и того ранее, а так часа два протянем на автономном синтезе. Чтобы нам слышать друг друга, ткните, пожалуйста, пальцем в этот кружок с изображением ушной раковины, – и сеньор Рамон указал нужное место на пристяжном, непроницаемом капюшоне. – Вот так-то лучше.

– Сколько времени нужно спасательной группе, чтобы вытащить нас отсюда? – это спросил Арсений уже из уютных недр головного колпака.

– На параболической капсуле – минуты две. Много три. Если дежурит молодчага Мбо.

– Могу поздравить вас, дорогой мой звездочет, молодчага Мбо сегодня не при деле, – с некоторым юмором, чтобы разрядить ситуацию, проинформировал собеседника доктор Мадянов. – Уже прошло четверть часа с тех пор, как я активировал аварийный маяк. Согласно нарисованной вами картине кретин Рачек сейчас должен находиться в начальной стадии опознания вездехода. Потому я предлагаю единственное, что приходит ныне в мою бедную гуманитарную голову. А не пойти ли нам пешком? За два часа мы по любому куда-нибудь доберемся.

– Ваша идея конгениальна, не спорю. И своим ходом мы вряд ли уступим в скорости вездеходу. Разве что в плане удобства передвижения. Вопрос лишь в том, в какую именно сторону идти? Одно дело паяться в экраны, и совсем другое – ориентироваться на естественной местности. Ошибка же, вполне возможно, будет стоить нам жизни.

– Здравсьте, пожалуйста! И кто из нас двоих астроном? – Арсений изумленно уставился на своего тощего собеседника. – Что вам стоит вычислить направление по расположению небесных тел. Если знать, с какой стороны придет солнце. И где по отношению к его восходу находится станция...

– Вот-вот, если знать, с какой стороны солнце. А я этого не знаю. А чтобы узнать, нужно как минимум вылезти наружу и дожидаться этого самого солнца. А тогда нам с вами будет не до выбора направления. А чтобы относительно Земли и прочих небесных тел, то необходимы некоторые, пусть и примитивные, приборы. А если я ошибусь и отклонение составит хотя бы полградуса, мы промахнемся мимо станции. А если мы промахнемся мимо станции...

– Не продолжайте, я все понял, – перебил Арсений заиклившегося астрофизика. Счастье, что все же один из присутствующих Э-модулярный психолог, иначе паника на борту вышла бы неизбежной. И как это вообще Эстремадуру решились послать в столь ответственную экспедицию? Впрочем, если отобрали дутого павлина Цугундера, то молоденький сеньор Рамон еще полбеда. Но вслух доктор Мадянов произнес совсем иное: – Тогда давайте попросту пойдем в сторону более глубокой тени. И положимся на русское «авось». Кстати, порой весьма помогает.

Арсений без промедлений приступил к операции механического разблокирования входного люка, не дожидаясь согласия на то Эстремадуры. Было ясно – долгоносый звездочет способен затянуть размышления «за» и «против» на неопределенное время, до той поры, когда выбирать уже станет не из чего, ни логически, ни практически. А после, поджарившись в душевных недрах вездехода, примется сетовать на судьбу-злодейку и вообще, возможно, прибегнет к немотивированному суициду. Так что Мадянову пришлось взять ответственные решения на себя. Но это, собственно, и была отчасти его работа. Хотя самолично Арсений никогда не бывал в настоящих экстремально-ограниченных ситуациях, только в тренажерном имитационном модуле, но вот же опыт пригодился на деле. Он нисколько не чувствовал себя взволнованным, тем более растерянным, несмотря на то что слабо представлял себе, каким образом лучше поступить в условиях приключившейся неприятности, в любую минуту могущей перерасти в настоящую катастрофу. Арсений в данный момент действовал так, как предписывало ему первое правило Э-модулярной психологии, в ее практической части, а именно – не забегай

вперед, решай проблемы по мере их возникновения. Сейчас главное было – уйти подальше на теневую сторону спутника, пусть выиграют какие-то минуты, но и они могут оказаться решающими. По Луне, хвала ее Создателю, передвигаться можно значительно быстрее, чем по родимой матушке Земле, и в хорошем темпе спринтерского забега вполне выйдет отмахать с десятков миль, прежде чем их застигнет жара. В ту или в иную сторону, второстепенный вопрос, на них активированные маяки, указывающие местоположение с точностью до десятой доли квадратного метра, а там или кретин Рачек родит приказ, или спохватится кто-нибудь еще.

– Ну, и в каком направлении относительно нас тень? – спросил Арсений, выбравшись наружу.

Первый раз в жизни стоял он вольно на инопланетном космическом теле, «Древо Игд-расиль» в счет не шло, как и местный космодром, где все донельзя изолированно, залито сплошь синтетическим покрытием в несколько гипергласовых слоев, а чтобы вот так, собственными ногами, на поверхности иных небесных сфер – никогда не было. Доктор и вообще-то в пространстве путешествовал только однажды. На искусственном спутнике, курсировавшем по орбите между Венерой и собственно Землей, срочно понадобился Э-психолог, вспышка банального мутировавшего грипповируса, а тамошние ученые спецы повели себя так, словно их постигла эпидемия вселенской чумы. Вакцины тогда никто не стал искать, не стоило и труда, накачали иммунной защитой, и всех делов, человеческий организм – мудрая штука, если в нее попусту не лезть. Грипп был доблестно побежден, перечихан и перетемпературен, уничтожен, так сказать, изнутри. Но зато натерпелся же с ними Арсений! И за ручку приходилось держать, и про маму слушать, и убеждать, что великое количество жидких соплей в носу отнюдь не признак вражеского вторжения сверхразумных гуманоидов. С тех пор никаких других пространственных приключений с ним, по счастью, не случалось. Арсений был человек Земли, и если бы не конкурсная лотерея ц-панорамы, то им бы и остался до конца своих дней. Как теперь выяснилось, он потерял бы многое. На Луне стоять было здорово.

Так и хотелось употребить расхожее клише: «Он вышел наружу и вдохнул полной грудью». Арсений и правда вздохнул. В вакуум-костюме, разумеется, противновато-вонючий дистиллированный воздух. Потому – вздыхай не вздыхай, а в безвоздушном пространстве иначе не получится, хоть полной грудью, хоть как. Но в одном Эстремадура оказался прав, своими глазами – совсем не то, что через обзорные экраны. До сего момента Арсений, почитай, и не видел Луны. Описать свои ощущения он был не в состоянии. Слишком другие и ни на что не похожие. Не хватало сравнительных параллелей. И уж точно с Землей ничего общего. Ежели побывав на Марсе, или на доступных спутниках того же Сатурна, или хотя бы на жалком Фобосе, тогда, наверное, иное вышло б дело. А так оставалось только запомнить впечатление, очень дикое и неестественное, и еще понять, отчего в космобиологии действительно необходимы Э-модулярные психологи. Нелегко человеку принять то, что существует помимо его предназначения и создано совсем не ради его славы, а вообще неизвестно зачем. Лунный пейзаж перед доктором, несмотря на весь необозримый мемориальный мусор, был даже не чуждый совершенно, не то это слово. Чуждый всегда отчасти синоним ненужного. Просторы же иного, мертвого мира ненужными назвать было нельзя, хотя и польза от них получалась сомнительная. Лунная долина будто сообщала нечто о мироздании, что без нее самой понять никак бы не вышло, что-то пугающее о Вселенной и бытие, не проговариваемое и оттого еще более ценное.

– Туда, кажется, – после минутного раздумья сообщил Эстремадура, тыча указательным пальцем вправо от себя. – Точно туда, видите, во-он едва заметная огненная полоса у горизонта.

– Тогда нечего стоять, словно суслики у норы. Ну-ка, раз-два, побежали, – приказал Арсений, не желавший долее терять время. Приключение, пусть и опасное, захватило его, и доктор пустился вперед и вскачь по Луне.

– Дышите экономно, – вещал в капюшоне голос звездочета, – шире, шире прыжки! Вы зря расходуете кислород!

Они помчались по равнине, как два гигантских кузнечика, спешно удирающих от похотливо-плотоядной лягушки. Не хватало только высокой зеленой травы, зато в избытке были ямы и трещины, и всяческие сюрпризы в виде облаков космической пыли, легко взмывавшей и не хотевшей оседать в условиях малой гравитации. Оттого получался эффект как бы замедленного времени.

– Не успеем! – каркнуло в капюшоне Арсения в очередной раз. – Нет, не успеем! – прозвучало уже с истерическими нотками.

Еще не доставало, чтобы Эстремадура ударился в панику. Арсений и сам видел – никуда они не успевают. Да и с самого начала вся идея, спешить наперегонки с солнцем, была безнадёжна. Но если не знаешь, что делать, делай хоть что-то. Однако, несмотря на рекордную скорость, беглецы даже не миновали пределов мемориального кладбища. Оно, само собой, было гигантским, тянулось на многие мили в каждый конец. Зато теперь доктор Мадянов наверняка знал – бегут они не в ту сторону, удаляясь, но никак не приближаясь к «Древу Игд-расиль», бегут в глубь равнины «последней битвы», а не от нее, бегут прочь от транспортных путей, примыкающих к станции.

– Все! Не могу больше! Спрячемся в тень от самой большой машины и будем ждать! – не то взмолился, не то отчаянно решился Эстремадура.

– Нечего нам ждать! Вперед! – крикнул ему Арсений. – Если устали, держитесь за меня, сколько смогу – протащу за собой! – доктор протянул сеньору Рамону руку.

– Вы что, идиот? Вы собрались обежать вокруг Луны? – Эстремадура не принял помощь, упал на колени, из-под него немедленно взлетела туча пыли. – Секунда-другая, и нас накроет.

Вокруг и в самом деле с каждым мигом делалось все светлее. Арсений запустил на полную мощность затемнение лицевого окна, но это помогло не слишком. От солнечной слепоты принятая мера, конечно, спасала, зато впереди и по сторонам Арсений вообще почти перестал что-либо видеть. И немедленно ему сделалось жарко.

– Забирайтесь в тень! Ну же! Вставайте! – Доктор ухватил сеньора Рамона за плечо, хотя более всего ему хотелось дать хорошего пинка размазне-астрофизику. – Еще чуть-чуть, и будет поздно!

– Нет, нет! Спасение грядет! – возопил с колен Эстремадура, и в состоянии детской экзальтации простер длань вперед и вверх. – Он зрит нас! С небес!

Мадянов решил ненароком, что дурной звездочет окончательно рехнулся, и даже Эмодулярный психолог ему ничем уже не поможет. Однако машинально поднял голову и посмотрел в направлении, указанном сумасшедшим. Сверху – смутно, но все же достаточно зримая – по параболической кривой без перехода в горизонтальный полет стремительно заходила на посадку спасательная капсула. Невероятно рискованно, он только однажды наблюдал подобный маневр, и то в случае, о котором нельзя было без содрогания вспоминать. Когда на его глазах цунами накрыло прибрежный Калимантанский заповедник, и прибывшие спасатели не видели иного выхода. Значит, сеньор Рамон, слава Богу, не спятил, а всего лишь сознание его, человека, очевидно, верующего, бесконтрольно выбрало в момент эйфории избавления ту форму речи, которая казалась соответствующей случаю.

Капсула спустилась в метрах десяти от них, на первой же подходящей площадке; немедля отъехала вниз боковая панель, заранее освобождая удобный проход внутрь. Оставалось сделать последнее усилие и пробежать эти жалкие метры. Вот здесь Арсений не сдержался, ради придания нужной живости и ускорения отвесил религиозному звездочету меткий и точный пинок в тощий зад.

Если у вас о чем-то болит голова, учите устав, и болеть не будет.

Третья солдатская мудрость

– Олухи царя небесного! Еще интеллектуалы, называется! Руки из задницы! – ругался на них вполголоса Галеон Антоний, только что возвратившийся назад от излеченного вездехода. Впрочем, ругался он более для порядка, и видно было: судьба заблудших экскурсантов тревожила его всерьез. – Все, можете перебираться в ваши дрова, обратный курс я включил. Но боже вас упаси, ничего не лапайте на пульте управления!

С собой, в капсуле, оперативно явившийся к ним с небес, спаситель Галеон Антоний никак не мог увезти сразу двоих злополучных путешественников. Маленькая одноместная ремонтная полусфера на пределе мощности осилила бы еще поднять дополнительную худосочную фигуру Эстремадуры, и все равно пришлось бы ютиться в углу, согнувшись в три погибели. Потому максимум, что мог предложить им Гент, – доставить тихим, наземным ходом обратно к покинутому вездеходу. И то было счастье. Пусть согнувшись в шесть погибелей, зато внутри капсулы чистейший кислород и весьма качественное охлаждение. Сидеть пришлось, сильно скрючившись, и все то время, в течение которого Галеон Антоний возрождал к жизни предатель-вездеход. Спасателю их – пекло, словно со слона песок, во-он какой защитный скаф, последней модели, между прочим, и жара и холод, даже слабый метеоритный дождь, все нипочем, разве только плазменной пушкой прошибешь! Однако возле сдохшей машины Гент провозился совсем недолго. Минуты две. Стало быть, он как раз и знал, что чинить и где это «что» находится. Уф-ф! Доктор Мадянов тихо возрадовался – славно, если такой человек отправится с ними в экспедицию, – однозначно, нехороших стрессовых мыслей в голове у гражданского экипажа будет возникать на порядок меньше.

– Дело серьезное? – кашлянув для солидности, спросил на всякий случай Эстремадура.

А доктор догадался: заполошному звездочету втайне хотелось услышать, что вся их нелепая пробежка по Луне – суть неизбежное следствие страшной катастрофы, внезапно приключившейся с многострадальным вездеходом.

– Куда там! – немедленно разочаровал его Галеон Антоний. – Дурость ваша, и больше ничего. Уж простите, господа, за грубость. Какой вислоухий ишак задал новый курс, не подтвердив параметров питания? Это же модель КЛ-12, она не может координировать автоматически! Поэтому процессор отключился в ожидании перезагрузки! Вам что, трудно было повернуть ключ?

– Какой ключ? Я ничего не знаю, – тоже на всякий случай стал оправдываться Мадянов, он уж понял, что многоречивый астрофизик совершил какую-то непростительную глупость, к тому же «вислоухого ишака» примерять на себя решительно не хотелось.

– Какой-какой! Такой! Трехгранный сканер запуска, что вы получили в арендном бюро! Надо было повернуть еще раз в гнезде! Вот ведь, устроили себе потеху и мне веселую жизнь. Ничего, вернетесь, старый Юл вам отвесит почем зря! Он уже рвет и мечет, а когда узнает, в чем дело, окончательно возрадуется! Ладно, проваливайте отсюда, всю кабину мне прожарили! – и Галеон Антоний чуть ли не в шею выставил их прочь из крошечного салона капсулы.

Но все равно для Арсения он оставался милейшим парнем. Из отрывочных слов Гента, оброненных за то время, пока его параболический ремонтник тащился едва-едва обратно к вездеходу, доктор извлек некоторую весьма полезную и познавательную информацию. Похоже, никакой аварийной вылазки за ними не было и не предвиделось. А кретин Рачек, очевидно, по сю пору слоняется по инстанциям. Счастье обоих было в том, что спасательный маяк для каждого участника экспедиции Командор, на всякий случай и во избежание, велел продубли-

ровать в личной системе оповещения. Бегать по начальству Командор не терпел и потому приказал лично Галеону Антонию принять эвакуационные меры. Смешливый парень Гент, в свою очередь, мешкать не стал, те же убогие полчаса, что у него имелись в запасе, разумно потратил не на уговоры и доказательства в транспортной службе, а попросту выкрал у них крошечного «ремонтника». Чем и спас незадачливым и любознательным ученым если не самую жизнь, то уж точно здоровье.

– Какое позорище! – Эстремадура стонал с подвываниями и сокрушенно качал узкой головой из стороны в сторону. – Я болван и вислоухий ишак, наш замечательный господин Антоний прав совершенно. И вас, коллега, чуть было не угробил почем зря! Как же я не догадался про ключ! А то, накрылся, сломался! Да чему здесь ломаться-то!

– Техника в руках дикаря есть всего лишь груды металла! – в утешение привел Арсений старинную поговорку.

– Мы с вами дикари, не то слово. Причем самонадеянные дикари. Заметьте, каждому в бюро выдается для изучения краткая инструкция по управлению и возможным поломкам. А кто ее читает? Уж точно, не вы и не я!

Наверняка в ней имеется и пункт для ишаков – «в случае отключения системы КЛ-12 поверни ключ еще раз»! Спорю на что угодно, к тому же и выделено огненно-красным цветом! И на тебе, пожалуйста! Два осла устраивают скачки в погоне за лунной тенью! Опять-таки, спорю на что угодно, господин Антоний поведает о нас на станции и будет прав, когда мои коллеги-аборигены надорвут животики от хохота! Но это еще полбеда, это можно перетерпеть, все равно сегодня мы отбываем. А вот пират Юл Хансен в гневе, это уже серьезно! Это так серьезно, что я вам и описать не возьмусь!

– Лично я познакомился с его величеством Командором только вчера. Но и на меня он произвел впечатление человека непреклонного в наказаниях, однако вряд ли мстительного! – опасливо поведал собственные соображения Мадянов.

– Хансен – человек уставных правил. То, что непреложно, должно быть непреложным всегда. И дело не в том, что мы с вами предприняли экскурсионную вылазку, приказ был – стойко сопротивляться безделью, и мы его исполнили. К тому же экскурсия наша имела сугубо познавательную цель. Но происшествие с вездеходом – иное дело. А уж в плане неознакомления с примитивной инструкцией – вопиющий случай. Мы ведь невольно могли подвергнуть срыву сегодняшний старт на «Пересмешник», тем более заменить нас с вами некем. Реестр давно утвержден на самом верху, и не во власти Хансена списать кого-либо на берег. Хотя именно таковым желанием старый пират и горит в данный момент, ручаюсь вам от его имени. Так что, если знаете по памяти какую-нибудь молитву... – Эстремадура в отчаянии пожал плечами. – Говорят, любимое наказание, практикуемое нашим пиратом Командором: поручить провинившемуся самое бессмысленное и самое обременительное занятие и неукоснительно следить за его исполнением. Однажды некий бедолага из марсианских зрителей всю дорогу у него вручную красил световым маркером днище вспомогательного челночного бота. Вы не представляете, что значит красить световым маркером, с углом расхождения луча в три микрона, поверхность площадью сто пятьдесят квадратов! В общем, к концу пути этот зритель в поте лица осилил только треть и то проклял собственную бабушку, некогда выбравшую для него профессию.

– А почему Командора Хансена прозвали пиратом? – Арсений попытался перевести разговор на параллельную стрелку, дабы не углубляться в тему, направлявшую и склонявшую его виноватое воображение к печальным видениям.

Эстремадура охотно откликнулся на перемену в предмете их беседы, видимо, тоже затосковал, предоставив простор собственной фантазии.

– Он и есть пират, вы разве не слышали? То есть был им. Во время второй войны, затеянной КГ против гидропонных плантаторов с Марса, он командовал одним из каперских рей-

дерев. Из тех, что имели полный ордер на самостоятельные действия. Галлюциногенные растения-трансмутанты ими, само собой, уничтожались на месте, а все остальное, включая и дорогостоящее оборудование перерабатывающих фабрик, поступало в пользу капера. С каждой захваченной преступной головы Хансен тоже имел прибыль, так что противника он предпочитал брать живьем. Чего, конечно, нельзя было сказать о самом противнике. Однажды его сильно потрепали где-то у Южного полюса, чуть не угробили совсем, отправили для регенерации на Землю, но списать его не успели – война кончилась. Тогда Хансену присвоили звание Командора, а после полного выздоровления сунули в гражданский КосмоСпец, хотя и оставили в военном чине. Но все равно прозвище за ним сохранилось.

Услышав краткое изложение биографии Командора, доктор заскучал куда сильнее. Еще бы, историю нарковойн, затеянных Конгрегацией, он помнил достаточно хорошо. Особенно вторую, самую масштабную и безжалостную, когда любые полумеры и компромиссы с плантаторами были отвергнуты. И понаслышке знал, какую роль сыграли в ней каперские корабли. С одной стороны, лихих капитанов пиратских рейдеров превозносили до небес за бесстрашие и мастерскую тактику, с другой – официальных наград никто не присуждал, уж больно методы той войны выходили за рамки общепринятого гуманистического клише. Многие имена вообще остались в тени, а люди, подобные Хансену, несмотря на то что нашли себе гражданское занятие, прежних своих заслуг старались не афишировать. Оно и мудро. Каперские экипажи, вольно или невольно, внушали обывателям подспудные страхи, хотя большинства мирного населения всей системы обе нарковойны никак не коснулись, разве любопытные сводки в новостях и призывы покончить с безобразием на форумах поддержки. И вот теперь Арсению неведомо, сколько времени предстоит провести в одном походе с настоящим космическим пиратом, и лично его, доктора Мадянова, суровый нрав и командные привычки этого пирата коснуться ой-ой-ой как! В самый ближайший срок. Пришлось призвать на помощь всю нехилую закалку Э-модулярного психолога, чтобы справиться с нарастающим дрожанием в поджилках собственного тела.

– Сеньор Рамон, но как именно вам удалось пройти экстремальные тесты, откройте секрет, раз уж мы вместе влипли в общее дерьмо? – задал Арсений еще один интересовавший его вопрос. Чем дальше, тем больше убеждался он в некоторой, если выражаться интеллигентно, непригодности астрофизика к условиям повышенного риска.

– Никакого секрета. Мой двоюродный дедушка по материнской линии – Верховный Прокурор Совета. Он магометанского вероисповедания и свято чтит семью. Так что я, можно сказать, стопроцентный представитель родственного протекционизма. И нисколько не стыжусь. Иначе не видать мне экспедиции, как дырки в собственной, извините, заднице, – Эстремадура и вправду нимало не смутился ни от вопроса, ни от личной откровенности, видимо, искренне считал, что цель в его случае оправдывала средства. – Если взять нашего брата, астрофизика, особенно в области моделей объяснения реликтового излучения, весьма схоластической, нужно заметить, то я там, безусловно, лучший. Так скажите на милость, почему мое безудержное желание знать и понимать должно иметь камнем преткновения какие-то психованные тесты? Я что, благодаря им, лучше проведу спектральный анализ на содержание металлов? Или смогу классифицировать частотные колебания с большей долей вероятности, если правильно отвечу на вопрос: что я почувствовал, когда старушка-прабабка отправилась в мир иной на моих глазах, так и не успев до конца исповедаться приходскому священнику? Но зачем я вам пережевываю давно известное! Наш прикомандированный Герке-Цугундер – тоже не лучший представитель рода человеческого, а про тесты, скорее всего, вообще не слышал. Правда, его случай отдельный. Как раз по вашей части.

– В каком это смысле? – немного растерявшись от столь прямодушной откровенности, спросил Мадянов. Выходит, сеньор Рамон тоже не лыком шит; если способен вот так, без обиняков, значит, не совсем безнадёжен, а тесты иногда ошибаются, ибо писаны людьми.

– К нам его, можно сказать, сослали. Под пикантным соусом, разумеется. Самая великая и зловредная язва Всея Земли, он и в Совете Рациональной Экспансии, где нормальным людям вообще-то делать нечего, и то смог уйму народа допечь. Вот ему и оказали а-а-громадную честь и доверие. Он, дурак такой, ничего не понял и действительно считает, будто у нас он главный, хотя и побаивается Командора. И вообще, у нас в экспедиции все поголовно дураки, уж простите. Умные, те дома сидят.

Потому что поход «Пересмешника» – это очередная глобальная блажь. Отрыжка гигантомании. Оттого в экспедиции одна шваль и весьма одиозные личности. А вы как думали? Прекрасная Кэти Мелоун, может, первоклассный металингвист, но что законченная алкоголичка, это я знаю наверняка. Пообщался за последнюю неделю так, что впечатлений девать некуда. Вы, коллега, пришелец из какой-то аномальной лотереи. У нашей замечательной Таны кардинальные проблемы с дисциплиной, только Хансен и в состоянии удержать ее в рамках. Про Командора я вообще умолчу. А Пулавский – просто старый верный пес, ему все равно, куда лететь, они с Хансеном еще с боевых времен не разлей вода. Говорят, не одну полулегальную сделку провернули вместе. Мой вам совет, пораскиньте мозгами, и вдруг еще не поздно отказаться?

– Поздно. Все, что вы сейчас поведали мне в порыве перевозбужденной откровенности, единственно упрочило мое решение. Да ваша команда – клад для Э-психолога! – Арсений старался придать своему голосу достаточно радостной окраски, хотя ему, чем дальше, тем сильнее делалось не по себе. – А почему вы ничего не сказали о нашем с вами спасителе, о чудном парне Галеоне Антонии?

– А потому, уважаемый коллега, что я ровным счетом ничегошеньки о нем не знаю! И никто не знает! Кому ни задашь вопрос, все только пожимают плечами. Кажется, кроме Командора, об этом Галеоне ни одна живая душа не имеет ни малейшего понятия. Но Хансен не станет распространяться, уж поверьте. Я знаете, что думаю на сей счет? – Эстремадура хитро подмигнул доктору косящим глазом. – Наверное, он мальчишкой пиратствовал у старого Юла на капере, и, как видите, стоящей профессией так и не разжился. Парень, конечно, в состоянии сурово разобраться с манкирующим обязанностями вездеходом, но это как раз и свидетельствует о том, что он из малообразованного круга. Ну кто из нас с вами способен отладить хотя бы примитивного квазиповара? А приходят ребята из технической службы и вправляют ему мозги. И тоже обзывают нас безрукими интеллектуалами. Так что все сходится.

– Не похож он на обычного ремонтника, – возразил звездочету Арсений, и это было правдой. Слишком заметен был Гент, он же Галеон Антоний, тревожен, как непроходимая топь под чистой водой, такие всегда индивидуалисты и скрытые лидеры, никак не в общей массе. Арсений редко ошибался в людях на этот счет. Точнее, никогда. Спутать человека ведомого с личностью самостоятельной вплоть до агрессивности вообще невозможно.

– Откуда вы знаете, что он там делал у Хансена? Может, служил охотником за головами? Малопочетная профессия, зато нужная. Иначе бы марсианские поганцы-плантаторы до сих пор мутили пространство по всей системе. Только бывшие вояки – обычно люди мирные, вы и сами знаете. Разве хлебнут лишку и ударятся в воспоминания, и то больше для куража, – успокоил скорее свои собственные сомнения Эстремадура.

– Может быть. Но раз уж Командор включил его в походный реестр, значит, видит в нашем Галеоне Антонии определенную пользу. Вряд ли парня навязали ему со стороны, – высказал свои соображения Арсений, однако некоторое беспокойство по поводу улыбчивого Гента, давеча поселившееся в нем, так никуда и не улетучилось.

На станции их ждал сюрприз. И далеко за ним ходить не пришлось. Сюрприз вышел к незадачливым путешественникам сам. Командор лично встречал их у переходного шлюза местного прокатного бюро. Обычно старый Юл, хоть издали, хоть вблизи, ничего жуткого и угрожающего своей фигурой никому не внушал, несмотря на то что роста он был излишне

даже высокого и выражение лица имел холодно-решительное. От природы нескладный, словно уездная пожарная каланча какие Арсений видел на картинках, вовсе не гора мышц и скульптурной плоти, скорее костлявый, чем худой. Плюс кудлатая рыжая шевелюра, мясистый нос и очень светлые, навывкате, водянистые глазищи, как у крадущегося кота, затевающего проказу. Вот только пренебрежительная манера цедить слова в адрес любого собеседника, пусть и много выше по рангу, да еще способность легчайшей мимикой выражать собственное превосходство над «штатской шушерой», спустя несколько секунд после общения с Командором вызывали у его визави, как правило, чувство абсолютной своей неполноценности. Но теперь пират Хансен показался бедному доктору точной копией иного Командора, каменного гостя, явившегося покарать провинившегося донжуана. Арсений тихой мышкой семенил чуть позади решительно шагающего навстречу судьбе сеньора Рамона, а звездочет по молодости и глупости делал вид, будто ему все нипочем, будто он на равной ноге с отставным пиратом Хансеном. И пусть, думалось Арсению, зато выйдет вместо громоотвода, так ему и надо, нечего было затевать эту пустую, никому не нужную, скверно закончившуюся экскурсию. Ныне у него, Арсения, случится шанс ехидно понаблюдать, как велеречивый астрофизик вместе со всей своей деланной самоуверенностью станет главной мишенью командного гнева.

– Хансен, нечего сверлить меня взглядом, вы не лазерная дрель, а я не дырка в стене, – Эстремадура напустил на себя изрядно беспечной независимости, как бы желая свести конфликт к ничего не значащему пустяку.

«Самое неудачное вступление к разговору проштрафившегося субъекта с начальством», – отметил в уме Арсений и уже с некоторым любопытством стал отслеживать дальнейшее развитие сюжета, однако по-прежнему держась чуть позади зарвавшегося астрофизика.

– Поздравляю вас, Рамон, – тут же плотные сухие губы Командора растянулись в резкую, сардоническую улыбку, ничего хорошего в принципе не предвещавшую. – Ваше прошение о наблюдении за не идентифицированной кометой в секторе лямбда-8 мной отклонено. Бесповоротно.

Как догадался Арсений, удар был нанесен звездочету чудовищный. Коротко и ясно! С Эстремадуры мигом сошла вся спесь и наигранное легкомыслие, остался голый пшик и отлетел жалобный стон, астрофизик на глазах у досужих зрителей растекся в жидкую молящую о пощаде лужу протоплазмы, всем своим видом выражая готовность к любому бесполезному труду, но только не это! О нет, только не это!

– Хансен, вы же пошутили? Пойдите, пойдите, куда же вы? – это несчастный возопил уже во след удалявшемуся прочь Командору. – Только скажите! Вы пошутили? О мать божья, за что?! Да погодите, я хоть на колени!..

При виде подобного отчаяния доктору Мадянову стало вдруг стыдно за собственную корыстную пассивность. Арсений никогда не почитал себя за труса, тем более не хотелось казаться таковым в присутствии Командора, который черт-те что мог подумать о своем новом, слишком осторожном Э-модулярном психологе.

– Господин Командор! Послушайте! Сеньор Рамон вовсе не виноват! Я, так сказать, на собственный страх и риск! Уговорил! – Арсений произносил слова отрывисто, четко разделяя речь на короткие ударные предложения, и делал это умышленно. Однако не помогло.

– Как не стыдно, Рамон! – обернувшись на ходу, бросил насмешливо Хансен, словно не замечая совсем доктора и его усилий. – Заодно и новичка подучили врать. Ай-ай-ай! – и прошествовал себе дальше. Но, словно передумав, обернулся еще раз: – А вы, доктор, не огорчайтесь. Ваши штрафные очки останутся за вами, и когда их наберется достаточное количество...

Более ничего коварный пират не сказал, предоставив тем самым Арсению полный простор для самостоятельного воображения всех прелестей от возможной в будущем ситуации. Набирать достаточное и загадочное количество штрафов доктору не хотелось, впрочем, Эстремадура тоже было жаль.

– Сеньор Рамон, погодите страдать раньше времени! Может, он еще передумает? Или мы постараемся и убедим, – как сумел, утешил Арсений опального звездочета.

– Кого? Эту сушеную сволочь, Юла? Как же, держите шире ваш энергетический накопитель! Раз сказал, два сделал, и кончено! Гранитный лоб, тупая пиратская колода! Зачем, зачем, скажите мне, я отправился с вами на этот проклятый мемориал? Какого гнусного беса вам там было надо? Вдобавок окаянный вездеход и его идиот-конструктор, которому, надеюсь только, свербит сейчас в гробу! А вы тоже хороши! Не можете отличить паршивый сканер-ключ от собственной пиписки! – сеньор Рамон ругался весьма интеллигентно, хотя от этого вряд ли более справедливо.

Доктор его не перебивал. Вышло бы бессмысленно, разве еще сильнее распалило Эстремадура на замысловатые изысканные ругательства. Если бедняге угодно винить в собственном разгильдяйстве любого встречного-поперечного, то что же, Арсений не прочь выступить в роли скорбного и виноватого слушателя. И это тоже было его работой. Хуже всего, что гневный запал на первого попавшегося под руку у сеньора Рамона скоро пройдет, а вот тогда незадачливый звездочет впадет в настоящую прострацию: видимо, вожденная, утраченная комета представляла для него значительную часть смысла всей ученой жизни.

– Пойдемте лучше выпьем, коллега! – доктор нашел единственный сейчас подходящий способ отвлечения сеньора Рамона от фатально мрачных мыслей. – В дороге многое случается, особенно если она дальняя. Мы с вами непременно придумаем, как сделать Командора вашим должником. А там и комета будет не за горами.

– Вы полагаете? – то ли идея распития пришлась звездочету по вкусу, то ли он действительно уверовал в способности Арсения, но только сеньор Рамон чуточку просветлел лицом. – Тогда пойдемте. До старта целых пять часов.

– Надо же! А мне показалось, что полный световой день прошел! – изумился Мадянов. Оказывается, все их катастрофическое путешествие длилось вовсе не так и долго. Удивительно, как хрупкая структура личного человеческого времени то растягивается до невозможности, то ужимается до непреодолимой крайности! Всегда Арсений поражался вышеозначенной способности сознания столь вольно обращаться с непреложными физическими величинами. А впрочем, так ли уж они непреложны, и существует ли вообще это самое время, помимо каждого отдельного индивидуума?

Тем не менее выпить было просто необходимо. Неправильно отработанное похмелье: вместо лечебного ничегонеделанья и оздоровительных граммов – занудное совещание и экстремальный поход, давало о себе знать. В коленках появилась предательская дрожь, в голове посторонний шум, в недрах живота жгуче вопияла о себе знойная безводная пустыня.

Станция «Древо Игдрасиль» была тот еще крольчатник. Без преувеличения. Да и куда уж больше, одна центральная громадина, исключая вспомогательные филиалы и космодром, занимала около двадцати с лишком квадратных километров. Настоящий город в степи, то есть, пардон, в лунной пустоши. Но людей на станции обитало не так уж и много. В смысле постоянного контингента. Да и непостоянного тоже. Сколько бы ни привирал Эстремадура насчет великой тучи туристической воскресной саранчи, все равно, привези сюда хоть тысячу человек, а потеряются в масштабе станционного пространства. В то же время большинство помещений «Древа» и не было рассчитано на людей: бесконечные технические ангары, автоматические службы информационной связи, горы исследовательского оборудования, целые галереи искусственных, вычисляющих и анализирующих мозгов, вдобавок гравитационные накопители занимали собой никак не меньше десяти гектаров. Как и повсюду, на этой станции сотворенная человеком мертвая, обслуживающая его природа вытесняла своего хозяина на окраинные задворки.

Жилых центров всего-то было два. Для постоянных обитателей и для временно приехавших. Вторых не допускали в секретные, рабочие зоны к первым, а собственно первые смотрели

свысока и немного завидовали вторым. Однако центральный гостевой кафетерий всех уравнивал в правах. Овальное, очень низкое помещение, достаточно обширное, хотя просторы его скрадывались из-за сильно нависавшего потолка, что и создавало приватный уют, если вы, само собой, не страдали клаустрофобией или боязнью гробниц. Кафетерий, с негласным, но известным всему свету названием «Дельфийский оракул», был центральным местом в периферийной системе, куда бурным потоком стекались всевозможные сплетни, достоверные и недостоверные слухи, и даже просто намеки на эти сплетни и слухи. Нередко приговоры и предсказания, навеселе произнесенные или случайно брошенные в «Дельфийском оракуле», неведь почему и как сбывались и происходили в угаданных местах, несмотря на то, что ученые-аналитики разных штабов и комиссий Содружества уверенно утверждали обратное. О заведении ходила дурная слава, и у многих на устах была поговорка: «Хочешь, чтобы кошмарный сон стал явью, расскажи о нем в “Дельфах”», подразумевая, конечно, не легендарный греческий полис, а мрачноватый и грязноватый лунный кафетерий.

Ничего сверхъестественного в «Дельфийском оракуле» и в помине не было. Перед Арсением предстал всего-навсего средней руки питейный салун, каким на Земле погнушались бы большинство людей интеллигентных, с отнюдь не разнообразным выбором спиртного, даже на вчерашнем банкете вышло куда богаче. Исцарапанные гипергласовые, гнутые дугой столики (и как это умудрились попортить сверхпрочный материал, вот что диво!), на каждом пульт голографического меню, овощные чипсы в веселеньких коробках – включено в стоимость в неограниченном количестве – все одно много этой дряни не съешь, а более никаких закусок. Нынче в «Оракуле» было относительнолюдно. Сравнительно, конечно, с полупустыми помещениями станции. Несколько наемных пилотов с грузовых челноков, а вместе с ними парочка распорядителей-докеров шушукались в ближнем к дверям углу, видимо, усиленно создавая те самые сплетни, которым на выходе суждено сделаться реальностью. Хмырь с эмблемой «бао-баба» станции на форменном комбинезоне в одиночестве гордо сидел в самом центре зала, явно ища ответов о смысле жизни в недрах мутного молочно-серебристого потолка. И конечно, тут же присутствовала Кэти Мелоун, где же ей быть, судя по отзывам об этой даме астрофизика Эстремадура. Она озиралась вокруг в поисках подходящей компании, в руке у нее мерцал благородными переливами полный фужер фруктового эрзацконьяка. Арсений и сеньор Рамон немедленно оказались обнаруженными, и уже немислимо вышло бы отказаться от ее общества, хотя обоим видеть сейчас Кэти желалось меньше всего.

– Нечего стесняться, ребята! – поприветствовала их Кэти, хитро подмигнула сильно накрашенным глазом. – Только что тут прохлаждался толстая морда Цугундер, значит, и нам с рук сойдет.

– А нам и так все равно. Хуже уже не будет, – грустно оповестил ее Эстремадура, и тоже вызвал себе коньяку. – Юл зарубил мою комету, – поделился он новостью с Кэти неизвестно зачем.

– А-а-а! Выходит, дрянь дело, – посочувствовала ему Мелоун, в ее нынешнем состоянии она была готова сострадать кому угодно и в чем угодно.

Они просидели втроем не меньше часа, ведя светскую беседу, в основном состоявшую из возгласов «ой-ой!» и «ай-ай-ай!» с вариациями. Зато Арсений окончательно пришел в себя, сеньор Рамон созрел до мальчишеской готовности смотреть в лицо негодяйке-судьбе, а лингвист Мелоун уже напрочь позабыла, какого собственно черта она вообще делает на «Древе Игдрасиль». Когда позади доктора вдруг раздался тихий и приветливый, однако, незнакомый Арсению голос:

– Извините, что прерываю приватное здесь общение. Я лишь и только намеревался поздороваться с вами, мой мальчик, – и на плечо сидящему рядом сеньору Рамону опустилась смуглая, тонкая, очень ухоженная рука.

– Не может быть! – осекшийся на полуслове астрофизик вздрогнул, обернулся и немедленно вскочил со своего места в глубоком изумлении. – Как, вы? Здесь? Я думал, это была чья-то шутка! Ох, простите! Рад приветствовать вас, господин Го! Позвольте также представить моих коллег.

Тут Эстремадура поклонился, потом по очереди назвал присутствующих, сначала даму, вслед за ней самого доктора Мадянова. И последним – неожиданного незнакомого гостя. Впрочем, совсем незнакомым он не был, в смысле Арсений никогда не встречался с ним лично, но тысячи раз видел это вежливое, немного печальное лицо на сканер-портретах, в обращениях Всемирной Сети и просто с экрана ц-панорамных каналов. Перед ним собственной персоной стоял и учтиво кланялся магистр фундаментальной философии, доктор Го Цянь.

**Армия – это здесь вам не тут! Здесь вам быстро покажут,
как водку пьянствовать и безобразие нарушать!**

Четвертая солдатская мудрость

Если бы на любой рядовой игровой викторине панорамного шоу прозвучал вопрос: «Кто из самых заслуженных граждан Земли доставляет наибольшее количество хлопот правительствам Содружества, не делая при этом ровным счетом ничего?», то однозначный ответ нашелся бы у каждого зрителя. Доктор Го Цянь. Почтенный профессор Пекинского университета, почетный профессор университетов столь многих, что их список вряд ли уместился бы в разумные пределы, магистр фундаментальной философии Го Цянь досаждал верховным чиновникам системы уже одним своим существованием. Даже если ничего не говорил, в то время как его об этом просили. И то, подумать только, когда весь обитаемый мир захлебывался от восторга по поводу великой и окончательной победы могущественной Конгрегации Гиппократов над бандитскими формированиями марсианских плантаторов! Когда доктора медицины Пьера Дюрана, единственного в Конгрегации носившего временный маршальский жезл, венчали бриллиантовой семиконечной звездой Содружества! Когда каждый из пятисот ц-панорамных каналов бесперебойно транслировал народные праздничные гулянья, перемежающиеся пламенными речами победителей! Когда самый мало-мальски заметный человек, хоть раз показавший свое лицо во Всемирной Сети, считал своим долгом выражать восторги публично! В течение всех этих бесконечных «когда» доктор Го Цянь вежливо молчал.

А затем, однажды, месяц спустя, прямо посреди торжественной Гражданской Ассамблеи Содружества в момент выступления самого маршала Дюрана, приглашенный в президиум магистр Го тихо встал со своего места и, не переставая вежливо кланяться направо и налево, взял, да и ушел себе прочь, никому ничего не объяснив. Чем весьма и весьма напакостил устроителям в смысле парадной победоносности их мероприятия. После магистр сделал заявление на местном пекинском городском канале, и заявление то немедленно было растиражировано по Всемирной Сети. Дескать, лично он, доктор Го Цянь, вовсе не имел в виду никого оскорбить, тем более заслуженного маршала Дюрана в день его собственного чествования, но только скромным своим уходом желал указать на возможную опасность, о коей правительства Содружества Семи Держав могли и позабыть или попросту упустить из виду. На вопрос, в чем же глубокочтимый доктор видит эту самую опасность, магистр Го Цянь ответил без обиняков. Нехорошо, если почтенная Конгрегация, поживая на лаврах, забудет о самой цели своего создания, превратившись в диктаторски настроенную полувоенную, полуполицейскую хунту. И вместо неусыпного бдения за правом каждого гражданина системы на здоровую и долгую жизнь примется вмешиваться в насущные дела Содружества, политические, армей-

ские и финансовые. То есть пожелает стать как бы восьмой невидимой силой, оным действием нарушая и без того зыбкое равновесие крупнейших весьма влиятельных и весьма честолюбивых держав.

Маршал Дюран оскорбился, сделав ответное заявление в очень грубых, свойственных скорее солдафону, чем доктору медицины, и крайне вульгарных выражениях. Сама Конгрегация немедленно выпустила меморандум-обращение ко всем семи правительствам Содружества, публично провозгласив, что всегда преследовала лишь самые чистые и гуманистические цели, а, к примеру, о тайном контроле и влиянии никто из руководства КГ даже не помышлял. Доктора Го полили грязью с ног до головы, обвинили в паранойе и маниакальном чело-веконенавистничестве, кто-то из окружения маршала, из числа особенно прытких адъютантов, потребовал от магистра всенародного покаяния. А доктор Го Цянь, сказав все, что хотел сказать, равнодушно безмолвствовал, единственно взял в университете академический отпуск для создания очередного метафизического труда. Впрочем, вскоре вопли разгневанных врачей-читателей и их прихлебателей мало-помалу заглохли сами собой.

Но скромное выступление доктора не прошло даром. В Содружестве тоже не дураки сидели. Собачья травля шла своим чередом, когда главы Семи Держав уже принимали меры. И как вонючий ушат с помоями обрушили на Конгрегацию регламентирующий указ: запрет на военные чины для всего руководства, передача боевой техники и человеческих армейских резервов под эгиду правительства каждой территории, маршала Дюрана – в почетную отставку, само КГ поступало в контрольное ведение Верховного Прокурора. После этого Западный, Великоросский и Восточный Стратегический союзы тут же перегрызлись, кому чего достанется, маршал Дюран едва не поднял восстание, КГ объявила указу бойкот, дело чуть не окончилось вселенским мятежом. Только тогда все до одного поняли, что исключительно благодаря тихому пекинскому доктору удалось избежать глобальной опасности для мирного равновесия системы. Что хватись чуть позже, и многоголовую воинствующую гидру набиравшей силу Конгрегации уже не смогли бы нейтрализовать столь бескровным, пускай и шумным способом. Разумеется, доктору Го никто доброго слова не сказал, не то чтобы выразил благодарность.

Отныне всякий раз, когда в ответ на совершенно ясный и однозначный вопрос магистр Го Цянь учтиво замолкал, державные умы в тревоге ждали неприятного подвоха. Даже если доктор Го отказывался говорить совсем. Это означало только, что не стоит попусту тратить слов, ситуация не настолько сложна, чтобы претендующие на всезнание правительства не смогли найти решения самостоятельно. И как правило, находили.

А потом стыдились собственного неразумия. Уж конечно, это не добавляло особенного чувства горячей любви по отношению к доктору Го Цяню. Со временем он стал как бы знаменитостью с отрицательным знаком, горькой пилюлей, от которой рады бы отказаться, но никому не охота помирать. Хотя у доктора Го со временем сложился и свой собственный круг почитателей. Ученые, занятые реальным делом, а не трибунным словоблудием, верные ученики, плюс тайные поклонники его гения, отличавшиеся интеллектом выше среднего, да и просто неглупые, здравомыслящие люди, считавшие: если у них самих не хватает на все про все мозгового вещества, то очень хорошо, что на свете есть такой доктор Го Цянь. К числу последних относил себя и Арсений Мадянов.

И вот теперь легендарный человек стоит перед ним и учтиво кланяется, словно в его жизни никогда не было большего счастья, как познакомиться с доктором Мадяновым, о существовании которого знаменитый магистр до сего дня наверняка не имел ни малейшего понятия.

– Неужели вы все-таки решились? – закончив представительские церемонии, спросил китайского магистра Эстремадура.

– О, не так! Это, наконец, решился Совет, а мое желание присоединиться к вам осталось совсем неизменным, – с приятной улыбкой ответил ему доктор Го.

– Значит, вы окончательно летите с нами?! – с нескрываемым восторгом всплеснул руками Эстремадура. – Я сейчас прямо готов напиться от счастья!

– По-моему наблюдению, вам хватит уже, мой мальчик, – с лукавой смешинкой ответил сеньору Рамону магистр. – Лучше поведайте мне, как скоро я смогу разыскать уважаемого Командора нашей экспедиции. Не осмеливаюсь просить вас отрываться от приятного времяпрепровождения...

– Ну что вы, что вы! Для вас, высокочтимый коллега, я согласен голыми руками дезинфицировать станционный мусоросборник, не то что!.. А впрочем, я готов немедленно идти!

Сеньор Рамон спешно сунул палец в голограмму счетной кассы, от радости заплатив за всю честную компанию.

– Если позволите, я с вами!.. То есть если не стану помехой! – постарался напроситься Арсений, так как перспектива остаться тет-а-тет с изрядно захмелевшей Кэти Мелоун его совсем не вдохновляла.

– Как раз наоборот! – с энтузиазмом отозвался сеньор Рамон, кажется, он слегка неловко чувствовал себя в подвыпившем и непрезентабельном виде подле великого человека, и разбавить компанию совсем не считал излишним. На что, собственно, и сделал расчет доктор Мадянов.

Из отрывисто краткой и не самой содержательной беседы по дороге к временному командному отсеку пирата Хансена все же Арсений успел уловить главную суть. Магистр Го Цянь, как оказалось, изначально высказал намерение присоединить свою особу к членам экспедиции «Пересмешника», однако до последнего времени дожидался решения Совета Рациональной Экспансии. Палки в колеса усиленно вставляла и злопамятная Конгрегация, потому доктору с благочестивым терпением и упорством, достойным самого далай-ламы, пришлось долго доказывать, что он в свои семьдесят два года ни в чем не уступает принятому стандарту биологического возраста в сорок лет. То есть по всем параметрам Табели Долголетия подпадает под разрешительную статью о дальних космических исследовательских походах. И все равно его стойкость испытывали до последнего, лишь сегодня утром он получил в штаб-квартире Совета нужное разрешение, после чего тут же вылетел с местного космодрома в пригороде Абу-Даби, где, как известно, сия штаб-квартира и находится. Теперь ему необходимо зарегистрировать словесное согласие Командора, что, по сути, являлось пустой формальностью, потому как он уже имел панорамный контакт с Хансеном, но необходимо присутствие свидетелей для придания всей процедуре видимой законности. А в этом смысле доктор Го Цянь соблюдал непреклонную решительность. Закон есть закон, даже если от него остается голая буква и ничего кроме.

Арсений проводил честную компанию до дверей начальственного помещения, следовать дальше он не имел ни малейшего желания. Впрочем, это самое можно было сказать и о помрачневшем лицом сеньоре Рамоне, но тому по необходимости предстояло отважиться на незапланированное свидание с пиратом Хансеном. Ибо другого второго, положенного законом свидетеля, доктор Го искать не захотел. За первого сойдет и навигатор Закериди, магистр с удовольствием согласился на ее присутствие.

– Вам не нужно расстраиваться, мой мальчик, – утешал доктор Го Цянь совсем приунывшего было астрофизика. По дороге магистр уже успел выслушать печальнейшую на свете повесть о несправедливой разлуке звездочета с его кометой и, похоже, преисполнился искреннего сочувствия к ситуации. – Даже самый могущественный властитель всегда слабее силы случайных обстоятельств. Я одно могу сказать о господине Хансене – он только исполнительный слуга своего дела, но никаким способом не тиран. Поэтому вам стоит набраться терпения и проявить услужливость, однако без раболепия. И уверен тогда буду – ваше небесное тело к вам еще вернется.

– Я именно то же самое говорил вам раньше, сеньор Рамон, – Арсений не удержался от невольного побуждения похвалиться перед магистром.

– И вы совершенно правы, уважаемый доктор Арсений, – поддержал его доктор Го Цянь.

Мадянов тут же вспомнил: в китайском обычае ставить на первое место фамилию, а вовсе не имя, как это сделал Эстремадура при его представлении. Надо будет однажды вежливо поправить магистра, хотя вообще-то пусть называет как больше нравится. Существа дела это нисколько не меняло, как ни в малой степени не уменьшало уважения к самому доктору Го.

– И я вижу, вы уже успели подружиться, – после короткого молчания продолжил мысль магистр.

– Не то чтобы! Но, по взаимному несчастью, успели влопаться в общие неприятности, – поморщился в ответ Эстремадура. – Правда, мне больше досталось горьких плодов.

– Ничто нельзя разделить точно поровну, даже смерть, – тихо произнес доктор Го Цянь, как бы обращаясь исключительно к самому себе, но и на двух его спутников слова те произвели впечатление.

Распрощавшись у командорского порога окончательно с обоими, Арсений отправился в свою комнату собирать нехитрый багаж. Старт должен был состояться уже совсем скоро, а среди вещей доктора Мадянова царил бесподобный кавардак. По счастью, имелось их не так уж много, основное, казенное снаряжение еще вчера переправили на «Пересмешник», Арсению же оставалось упаковать только личную разрешенную поклажу. Его на мгновение позабыла мысль о том, что высокое экспедиционное руководство, обитавшее где-то в заоблачных высях далекого и недостижимого Совета в Абу-Даби, отдельной статьей запретило брать на борт так называемые «меморабельные комплекты», включавшие в себя голографические панорамные записи друзей и близких родственников и вообще любые изображения привычных и дорогих сердцу мест и предметов. А вот в отношении алкоголя никаких санкций не последовало вообще. Мадянов и провез полулегальной контрабандой через лунный санитарный пост (автоматические контрольные мембраны задали по очереди нежными голосами один и тот же вопрос, на который доктор, разумеется, ответил «нет» и «отсутствует») концентрированный под давлением натуральный экстракт чистейшей лимонной водки: разводи один к семнадцати с четвертью и получай удовольствие. Концентрата (три полигласовые баклаги по пять литров каждая) должно было хватить лет этак на семь-восемь коллективного умеренного пьянства, а если не умеренного, лишь слегка в режимном походе, так и до седых волос. При условии, конечно, что никто не станет особенно поощрять Кэти Мелоун.

Вот уже не первый раз задавался Арсений вопросом, как же это все получается? Хоть и с урезанными правами, а Конгрегация Гиппократа, выходит, могущественная организация. Ни единое нынешнее открытие, пускай совсем не из области общей медицины, но имеющее косвенное отношение к человеку, как к предмету анатомических наук, не могло пройти мимо КГ, так гласил суровый международный договор. Каждая личность имеет нерушимое и не обсуждаемое право, подобное праву дышать, на максимально долгий срок своей жизни и всю мыслимую квазибиотическую помощь, включающую в себя индивидуальное генетическое выращивание и замену даже таких трудоемких и ювелирно-тонких биоизделий, как некоторые отделы головного мозга. Говорили, что очень скоро КГ планировала ввести в бесплатный список и косметические процедуры, умножавшие красоту, и собственно услуги психологов, включая тех из них, кто имел Э-модулярные лицензии. Давно канули в темное прошлое «никотиновые» вердикты, разорившие сигаретных магнатов, отгремели уже пафосные нарковойны, и самое человечество скоро привыкло не жрать в свое удовольствие, а питаться согласно правильным оздоровительным нормам. И нате, пожалуйста! Милое, старое пьянство как процветало тысячи лет назад, так и сохранилось в первозданном виде до сих пор, даже распустилось особенно колоритным пышным цветком, сводя на нет все усилия евгеники. Конгрегация, собственно, и не пыталась бороться, словно в наказание оставив людям последствия тяжкого похмелья,

однако (о чем судачили в кулуарах) нарочно отказавшись создавать универсальное лекарство против «аморального» порока. Но это было всего-навсего вяканье из-за угла. Отнять последнюю, разухабистую радость у человека разумного не решился никто.

Перед стартом обязательно состоялось построение. То есть старый Юл попросту согнал весь вверенный его попечению контингент в одну кучу, откровенно проигнорировав бурное недовольство фон Герке-Цугундера, не пожелавшего в куче быть и все еще не распрощавшегося с бредовой идеей непременно сказать напутственную речь. Ее, в смысле речь, произнес сам Хансен, и речь та вышла в меру краткой, хоть и неприятной по содержанию.

– Мне нет никакого дела до вашего морального облика, господа гражданские. И вообще, откровенно говоря, наплевать на физиологические и нравственные пороки других, если не нарушается действующее в Содружестве регламентарное право, – Командор несколько пристальной, чем обычно, посмотрел на Кэти Мелоун, неважно державшуюся на ногах, пропустил мимо одобрительный кивок Цугундера. – Но скажу только один раз и повторять не стану. Начнете задевать мой штатный экипаж или вовлекать его в незапланированные увеселительные мероприятия – пожалеете, что прежде того не удавились в переходной барокамере. То же самое, если вовремя и качественно не исполните собственных рабочих обязанностей согласно аварийному расписанию. Наказывать стану, не принимая во внимание личность провинившегося. На этом все.

Гражданские переглянулись между собой, штатный экипаж тоже. Мадянов с удивлением отметил, что, кроме Пулавского и навигатора Закериди, его давешний спасительный знакомец Гент тоже щеголял в полном форменном летном комплекте, более того, имел нашивки контролирующего пилота и даже, кажется, второго ранга. Вот тебе и недалекий парень из малообразованного круга! Ошибочка вышла, дорогой сеньор Эстремадура! Сколько нужно учиться на такие вот нашивки, Арсений знал лишь приблизительно, но срок этот мало уступал в количественной части стандартному образованию космобиолога. Остальная заштатная публика, в будущем должна составить мирное население «Пересмешника», несколько сконфуженно оглядывала свои новенькие, сегодняшним днем полученные, неоново-синие полукombineзоны и куртки, положенные рядовым космогаторам обслуживающих блоков. Особенно недовольным выглядел Герке-Цугундер, и по его лицу было видно – при первом же удобном случае он сменит эту дрянь на что-либо более солидное и подходящее в смысле костюма. Один только доктор Го Цянь с детским интересом щелкал многочисленными клапанами своей одежды, включал и выключал голографические датчики, и даже умудрился запустить на всю катушку локальный охладитель воздуха, отчего на его куртке немедленно образовалась легкая изморозь. Магистр забавлялся от души и все же не забывал учтиво и несколько извинительно улыбаться в сторону соседей. Его самого пребывание в общей куче ничуть не смущало.

– А вас, мой дорогой Го Цянь, все вышесказанное несколько не касается, – вдруг, ко всеобщему изумлению, обратился Командор к развлекавшемуся во всю ивановскую магистру. И обратился достаточно фамильярно, как бывает в обыкновении общаться между собой только очень близким и очень давним знакомым. Надо ли упоминать, что при этом заявлении Герке-Цугундер съел огромный лимон, так его скривило. – Будьте моим гостем, если угодно. А если нет, выберите себе любую общественную нишу по вашему вкусу и усмотрению.

– Благодарю вас, уважаемый Юл. Но меня абсолютно может устраивать положение вашего подчиненного в любой сфере, какую вы сочтете мне указать.

Доктор Го объяснялся несколько непривычно для окружающих, давно привыкших к общепринятому Романскому Сленгу, как правило, использовавшемуся, если собиралась группа разноязычных собеседников. Но видимо, следовало сделать скидку на то, что доктор Го Цянь, как было широко известно, вообще не любил переводить свои речи сам, пользуясь услугами сетевых трансляторов. А те обычно не отличались высокой лингвистической добросовестностью. Привычка – вторая натура, впрочем, говорил магистр занятно. Арсению так даже

понравилось. Он про себя непременно решил вывести с помощью расчетного семиотического анализа индивидуальную психологическую топографию доктора Го. В тайне, разумеется.

– Время перелета – восемь стандартных часов пятнадцать минут. Примерно. Именно это время настоятельно советую гражданским использовать для сна. Экипажу – приказываю, – отчеканил последнее распоряжение Хансен и, никого не дожидаясь, первым шагнул в переходной шлюз.

В полете, мягком гравитационном скольжении по дуге, Арсений выпался на славу. К счастью, чартерный челнок отличался повышенной комфортабельностью вовсе не из-за присутствия на борту действующего комиссара Совета, а исключительно ради журналистской бра-тии, также следовавшей спецрейсом и призванной осветить старт «Пересмешника» личными переживаниями увиденного.

Прибыв на орбитальную межпланетную станцию, вращавшуюся вокруг Солнца по собственной траектории сравнительно недалеко от Марса, будущая команда «Пересмешника» устроила бестолковую беготню. Обыденное для гомо сапиенса дело – хватиться в самый последний момент, что чего-то недостает или кого-то потеряли. Эстремадура где-то ухитрился посеять личный багаж, а во время его розысков Тана и Галеон Антоний посеяли самого сеньора Рамона. В свою очередь, надутый павлин Герке-Цугудер, порывшись в портативном заплечном контейнере, вдруг обнаружил, что забыл на лунной станции личную фильмотеку цветных сновидений, и впал в настоящую ипохондрию, однако благодаря этому обстоятельству перестал ежеминутно всем мешать. Арсений тоже как раз теперь и весьма вовремя вспомнил, что так и не отправил своим друзьям панорамные виды «Древа Игдрасиль» и себя самого в костюме бравого космогатора.

Вскоре погрузка была завершена. И только сейчас, наблюдая через панорамные экраны довольно просторной кают-компанияи внешний мир, так сказать, «за окном», Арсений пришел в некоторое замешательство. Конечно, он знал о том, что стартовая установка-прототип, предназначенная для отправки «Пересмешника», являет собой некую кардинально новую конструкцию, но все же ничего подобного увидеть не ожидал. То, что транслировали ему объемные, парящие в воздухе экраны кают-компанияи, вообще не укладывалось в голове. Он уже видел похожие модели и сам себе не мог поверить, где именно. В развлекательном загородном клубе, в амфитеатре стендовой стрельбы, там предлагалось сбивать тарелочки из гипергласа при помощи безобидной ударной звуковой волны. Развлечение для ответственного и общественно полезного лица из числа карьерных середнячков, но занимательное. Ныне перед Арсением предстало на экранах нечто похожее, хотя и не соизмеримое в гигантских своих размерах. Подобный выпуклому метательному диску, «Пересмешник» был закреплен именно на таком же стенде, от которого отходила огромная рука-держатель, упиравшаяся на висевшую в пустом пространстве платформу. И более ничего.

– Я сплю. Или мне все кажется. Скорее пустое ведро полетит, чем эта штука, – Арсений и сам не понял, как произнес собственные недоумения вслух.

– Ограниченность и предвзятость, коллега, мешают вам понять. Все принципиально новое вырастает из самых невозможных вещей. Хотя вы, разумеется, имеете весьма скромное понятие о базовых основах гравитационной энергетики. Несмотря на то что ежесекундно пользуетесь ее плодами, – сказал за его спиной небольшую уничижительную речь нашедшийся в конце концов Эстремадура. Он получил очередной нагоняй от Хансена, сильно отсрочивший его радужные мечты записать космического пирата в свои должники, и от этого сеньор Рамон был сильно не в духе.

– Коли вы такой умный, объясните мне, дремучему человеку. И нечего издеваться. Я уж видел, хороши вы были, когда вопили: «Грядет с небес!», не удержался и подпустил шпильку Арсений, а не мог не знать: классически его поведение вызовет излишнее раздражение у звездочета. Ведь молодежь ни в какие времена не терпела над собой насмешек.

Ему повезло – тема оказалась слишком близка даже для удрученного обстоятельствами жизни юного астрофизика, и сеньор Рамон соизволил дать некоторые сведения, хотя в своеобразной весьма форме:

– Персонально для невежественных лунных спринтеров я снизойду до устранения их вопиющей безграмотности! По-вашему, что такое вообще энергетика, возникшая после открытия природы элемента гравитона? Отвечайте непременно, как думают ваши собственные отсталые мозги, а не по школьным учебникам!

– Ну-у-у, в основном это специальные устройства, перерабатывающие гравитационное поле в иные виды энергии. Там, кажется, есть соответствующие формулы, – неопределенно ответил Арсений.

– Формулы есть. Правда, лично вам они никак не помогут. Стандартный и общеизвестный повсеместно недостаток образовательной системы. Напичкать сознание ничего не сообщающими в смысле миропознания математическими выкладками и совершенно умолчать о сути отображенных в них вещей. Прежде чем возникли эти формулы, а возникли они вовсе не на пустом месте, сколько выдающихся умов ломало головы над проблемой вещества и его массы! В отношении, так сказать, «чтойности» этих вроде бы расхожих понятий.

Вы только подумайте, вовсе не теоретики математической физики ответили на сей сакраментальный вопрос, но едва тогда народившаяся фундаментальная философия! Имя Клима Любомировича вам о чем-нибудь говорит? А должны помнить, ведь он ваш соотечественник, хотя и умер сравнительно давно.

– Говорит, еще бы! – возмутился Арсений. Ему ли было не знать о выдающемся человеке, которого без ложного преувеличения именовали Стагиритом Сверхнового Времени.

– Ну, имя, допустим, нечто и говорит. А толку? Вы в курсе, например, что именно Любомирович своими адаптированными философскими системами задал направление буквாவшему научному поиску? Сложил в одно целое разрозненные обрывки из несовместимых на первый взгляд сфер человеческого знания. До него ведь был полный караул и хаотичность. Как говорится, тысяча кадров Парижа еще не есть Париж. А у него получилось. И получилось у тех, кто пришел за ним. Любомирович интуитивно увидел ответ, не дававшийся в руки очень многим. Что вся материя суть живое существо, хотя и отличным образом от органической природы. Не мертвое условное равновесие, а нечто, имеющее свой собственный энергетический обмен на всех уровнях. Она впитывает, перерабатывает, после выбрасывает переработанное. Как и мы с вами. Тем самым рождаются микрочастицы, сохраняют свои свойства, аннигилируют, превращаются в противоположности. Пыхтят электроны вокруг атомных ядер, спешит по своим делам божественная троица разноцветных кварков, – тут Эстремадура впал в поэтическое настроение. – И все в подобном же роде. Но то, что порождает и питает, должно ведь испражняться. Вот гравитационное поле то самое дерьмо и есть. Дерьмо материи. Живущей, жрущей и производящей из себя. Мы с вами, по существу, летаем на фекалиях, дорогой коллега, ими топим, на них строим, их же храним в энергонакопителях. Представляете сколько подобного полезного дерьма может дать одно только Солнце с его-то массой покоя!

– То есть гравитационное поле – своего рода отработанный экскремент? Ну и что? Думаете, меня сей факт хоть сколько обижает? А вот ничуть. Удобряло ведь человечество некогда свои пашни и луга животным навозом! И после ело то, что вырастало. Летать на дерьме – это даже как-то романтично, знаете ли, – рассмеялся Мадянов. – Ничего не поделать, голь на выдумки хитра!

– Отчего же голь? – несколько оскорбился сеньор Рамон в особенности оттого, что ему не удалось смутить доктора, которого он вздумал было высокомерно поучать. – Гравитационное поле – всего лишь огромное море энергии, которая до недавнего времени пропадала зря. А пришел человек и нашел ее бессмысленному существованию применение. Так сказать, обо-

значил истинное место в мироздании. Оттого мы с вами получаемся как бы регуляторы Вселенной, а вовсе не ее бедные пасынки.

– Вы, стало быть, придерживаетесь надоевшей до оскомины точки зрения, будто человек есть по сути своей венец творения? Все для его блага, все во имя его? – усмехнулся Арсений, тут уже пахло очевидной поповщиной, а доктор этого не любил.

– Совсем не так. Я уверен: ничто и никто не существует в этом мире зря. Нельзя бороться с тем, частью чего ты являешься сам. А то обычно получается, что природа отдельно и разумное существо тоже отдельно. Отсюда вывод – они враги, вынужденные сражаться за жизненное пространство. Только это неправильно. Мы можем навредить лишь самим себе, когда перестаем слушать и понимать. И можем многое приобрести, если начнем уважать мир вокруг нас, который мы и есть.

Арсений ничего не успел ответить или возразить, хотя последнее ему делать не слишком хотелось, разве что упрямства ради. А не успел оттого, что в каюткомпанию вошел отбившийся, наконец, от дикого, осинового роя журналистов Командор, собственной персоной.

– У-у-у, явился сатрап! Вот вам пример, коллега, как личные амбиции ставятся выше познавательной пользы! Я это все о комете, – напомнил на всякий случай Эстремадура доктору.

Командор Хансен, кажется, услышал последнее замечание обозленного звездочета, но разумно сделал вид, будто его внезапно одолела глухота.

– Немедленно занять страховочные места! Экипаж давно в рубке! Гражданские – в амортизационном стартовом отсеке! Одни вы прохлаждаетесь! – прикрикнул, впрочем, не слишком строго Хансен. Но все же вставил напоследок оздоровительно-вразумляющий клистир: – Вам, доктор, штрафных очков мало? Я добавлю. Пока вы в компании с этим воинствующим юнцом, у вас не за горами много веселого. Нашли с кем связаться! А вы, Рамон, не очень-то гордитесь! Или думаете, у меня в запасе не осталось приятных карательных сюрпризов? Ошибаетесь. Я вполне могу привесить к вашей комете достойный хвост. Как вы считаете?

– Можете, можете, – угрюмо, но как-то покорно согласился Эстремадура и тут же увял.

– Тогда марш по местам! Иначе я повторю одну любопытную лунную процедуру, о которой мне недавно поведал Антоний, и кое-кому отвешу пинка в зад!

– А мы увидим старт? – полюбопытствовал на прощание Арсений, все же не очень уstraшенный командорскими угрозами, скорее носившими воспитательный характер, чем представлявшими прямую программу будущих дисциплинарных мер.

– Увидите. И не только. Еще и почувствуете! – тут Хансен, впервые за все время короткого с ним знакомства доктора Мадянова, коварно улыбнулся лично Арсению.

– Надо было предупреждать, что старт пройдет с перегрузкой! – возмутился Эстремадура.

– А надо было меньше пить! – с нескрываемым торжеством в голосе закончил разговор Командор.

Овал – это есть круг, вписанный в квадрат, размером три на четыре.

Пятая солдатская мудрость

«Сколько ни пей накануне, все мало! Тут бы хорошо цистерну, чтобы совсем ноженьки не протянуть!» – в полубреду восклицал про себя Арсений. Перекошенное лицо его потеряло чувствительность, зубы мелкой дробью клацали во рту, еще и тошнило невыносимо, сердце, как репей на собачьем хвосте, моталось из стороны в сторону, перемещаясь сверху от груди к селезенке и дальше до области мочевого пузыря. Вот это был старт так старт! Возьмите вакуумные ледяные горки на шоу-спутнике «Плутон-Меркурий» (за родимые рубли пять тысяч

в сутки номер-двойка, принимаем валюту любой из Семи держав), помножьте на несколько порядков в смысле экстремальных ощущений, добавьте слегка гадостный привкус страха, в итоге и получите то, что чувствовал в данный момент несчастный доктор Мадянов. Он тоже читал в свое время, преимущественно в детское, о первопроходцах космических пространств, тогда еще примитивно-орбитальных: пара корыт, запущенных вокруг Земли. Описаны были и перегрузки, судя по отзывам свидетелей прошлых веков, довольно гнусное чувство, будто на грудь тебе уселся носорог, а на него какая-то сволочь все время накладывает одну свинцовую плиту за другой. От «Пересмешника» доктор (никогда он не подвергался воздействию ничего более страшного, чем тренировочная вестибулярная центрифуга для глубинных скаф-дайверов, да и то любителей) тоже ожидал при запуске чего-то подобного. При его физических данных, признанных официально комиссией КГ, производившей отбор гражданских кандидатов, Арсений думал – фигня какая! Пусть носорог, пусть хоть слон, это было даже любопытно, он собирался еще самонадеянно провести во время старта глубокий тренинг на выдержку и антистрессовое тестирование собственной личности.

Куда там, теперь Мадянову хотелось на выбор только две вещи: или захлебнуться в алкогольном море более-менее счастливо, либо подохнуть просто так. Ни на что описанное и читанное чертов старт и близко не походил. Во-первых, все случилось неожиданно. Едва вспыхнула в воздухе ярко-алая голограмма с идиотической надписью «Бум!» на Романском Сленге, так тут же без всякого предупреждения, вместо должного по первоисточнику, постепенно нарастающего гула в ушах и давления, немедленно Арсений ощутил два увесистых тычка в области копчика и между лопаток. Потом его словно двинули правым хуком в челюсть, и началось. Именно как гипергласовая тарелочка со стендового стрельбища, «Пересмешник» сорвался в пространство, сразу штопором закрутившись вокруг своей оси, при этом описывал дугу, заданную ему навигационной системой.

Если бы не гравистабilizаторы, экипаж со всеми пассажирами давно бы врезал дуба, пока же единственно Герке-Цугундер сблевал себе на неоновое-синие штаны. Теперь в стартовом отсеке, вдобавок ко всем остальным неприятностям, еще и запахло страшно омерзительно. А доктору Мадянову и без того было сильно не по себе. Он никак не ожидал, что сможет чего-нибудь в жизни так бояться. Заметьте, после многолетних тренировочных усилий в специализации Э-модулярного психолога, который не только должен учить других выживанию, но сам знать науку эту в совершенстве, хотя бы и на типовых тренажерных имитаторах. Но вот же был он, Арсений, близок к полной утрате равновесия. В то время как ничего ужасного с кораблем не происходило.

Не ощущалось ни предательской резонансной вибрации – грозы всего сущего космического транспорта, ни сладкого запаха горелого плексоморфа, ни тем более рокового нарушения герметичности. Командор Хансен не считал нужным даже отключить внешние трансляционные экраны, чтобы, как он и обещал, пассажиры смогли воочию увидеть старт, если кому в самом деле придет охота смотреть.

Но Арсений никак не мог отделаться от мысли, что в каждый отдельно взятый момент «Пересмешник», почти вслепую набиравший вращательную скорость по заданному спиральному курсу прохождения Солнечной системы, вот-вот врежется во что-то нехорошее. Или будет непременно сбит из гигантской пушки, как та самая пресловутая тарелочка. Одно дело – прямой гравитационный полет, привычный и ничем не удивительный, спокойный и полный комфорта. Совсем другое – этот рукотворный блин, в сумасшедшей пляске верчения несущийся неведомо куда. Арсений чувствовал себя мартышкой внутри лотерейного барабана и молился опять вытянуть счастливый билет. Сомнения были и на счет экипажа, что тоже добавляло градусов в кипяток его страха. Доктор Мадянов знал – для «Пересмешника» пробный старт невозможен, запускали исключительно макеты, а сам корабль испытывали лишь на моделирующем стенде. На нем же набирался опыта и Хансен со всей командой. Стоит ли объяснять,

риск от запуска «Пересмешника» перекрывал любые допустимые нормы. Но даже Арсений не предполагал, что психологически все выйдет настолько плохо. Если бы он сидел в отсеке один и не сидел даже, а согнутый буквой «г» мумифицирован был в амортизационном кресле – ноги вытянуты вдоль под прямым углом к туловищу, обе половины тела так и закреплены страховочными бинтами, – Арсений, возможно, не удержался бы от плаксивого крика. Однако присутствие посторонних и необходимость сохранить лицо первоклассного специалиста экстремальных ситуаций поневоле заставили доктора взять себя в руки. Точнее, в ежовые рукавицы. К тому же Арсений в совершенстве постиг древнюю и расхожую, зато весьма полезную истину – что бы с тобой ни происходило, приятное или дурное, это «что» обязательно придет к своему исходу, тоже хорошему или скверному, но придет непременно. Так оно и произошло.

Отпускать стало помаленьку-полегоньку. Зараза! Нет, чтобы сразу наступила хотя бы невесомость. Но мечтать об этом было пустое занятие, на нынешних космических посудилах подобное развлечение не предусмотрено. Если и случится – верный признак: с кораблем вышла полная, простите, жопа! Что происходило собственно с «Пересмешником», доктор не знал совсем. Может, легли на курс с заданной скоростью вращения, может, наконец, запустили на полную мощность гравистабilizаторы, а может, чего проще, старый пират Хансен устал забавляться за счет ноющего и сильно блюющего пассажирского состава. Тем более примеру фон Герке-Цугундера последовала уже и бедняга Кэти, и вот-вот то же самое должно вскоре приключиться с сеньором Рамоном. Один доктор Го Цянь выглядел молодцом. Еще бы, вспомнил Арсений, он единственный разумно стартовал на голодный желудок, а запахи перебродившего алкоголя вперемешку с ароматами исторгнутого плотного завтрака комиссара Цугундера магистру, наверное, были нипочем.

Когда Арсению, исключительно по контрасту с предыдущим состоянием, стало совсем хорошо, опутывавшие его бинты расстегнулись сами собой и с легким свистом скрылись, наподобие юрких змеенышей, в специальных пазах кресла. Теперь доктор Мадянов мог, наконец, встать. Мимо него пулей пролетел сеньор Рамон, зажимая рот обеими ладонями. Вопрос, куда? На борту «Пересмешника» никто до сей поры не удосужился объяснить пассажирам, в каком направлении им нужно идти и где что находится. Отсюда следовало – поиски туалетной комнаты Эстремадурой могли затянуться или, это было бы много хуже, кончиться осквернением какого-нибудь стратегически важного участка корабля. И наверняка в подобном случае гневные громы и молнии со стороны пирата Хансена обрушились бы на голову и без того кругом виноватого астрофизика.

– Бардак и полное разгильдяйство! – шумно ругался рядом Герке-Цугундер, брезгливо пытаясь хоть что-то поделать с изгаженными форменными брюками, впрочем, безуспешно. – Черт знает, какой срам! Неужто трудно предусмотреть гигиенические пакеты или, на худой конец, утилизационные сборники! Даже обычной воды и той нет!

– Если комиссар мне позволит от себя маленькую вольность..., – к Цугундеру мелкими шажками приблизился доктор Го и, кротко поклонившись, нажал нечто на кармане его штанов. – Вот и все, что будет вам угодно. Лучше начните с голубой отметки – «чистка», а потом зеленая – означает «сушка». Похожим образом я разобрал инструкцию. Обслуживающие подразделения лунной станции экипированы самым этим набором непременно и еще множеством из полезного устройства. Поэтому мне и вам, господа, выдали такие же спецкостюмы, – пояснил магистр Го Цянь.

«Ай да доктор!» – подивился про себя Арсений не без уважения. Вовсе он не развлекался на последнем инструктаже, а с пользой проводил время! Пока остальные лечили похмелье или дули губы на Командора, скромный магистр изучил разнообразные возможности своего одеяния, что, кстати сказать, никому, кроме него, и в голову не пришло сделать!

Скоро в стартовый отсек заглянул Пулавский, у себя в фарватере он тащил несчастного и страшно бледного сеньора Рамона, умоляюще цеплявшегося за интенданта дрожащей рукой.

– Весь камбуз, почитай, мне угадил! – сокрушенно качал головой пан Пулавский, отчасти и немного жалея непутевого звездочета. – Ежели в панели открылось отверстие, так давай уж прямо туда, без разбора! А это вовсе тебе не писсуар и не рукомойник! Камера загрузки витаминного полуфабриката, вот что это такое! Трехмесячный запас испортил! Ох, змей! Ох, змей! – сокрушенно запричитал интендант и предпринял одновременно попытку отцепить от себя испуганного сеньора Рамона. – Заберите его с глаз моих долой! Я уж, ладно, на первый-то раз ничего Хансену не скажу! Не то порвет мальчишку в пух! Зато месяц вне очереди дежурить по кораблю, где велю и когда! Согласны?

– Хоть год! Только не выдавайте! – простонал, будто тающий в солнечных лучах призрак, дошедший до ручки Эстремадура. – Откуда я мог знать? Все у вас не по-человечески: зачем над камбузом синий круг с волнами и вращается? У меня в уборной такая же вывеска!

– Вовсе не уборная, а санитарная зона! Без обработки ультрафиолетом вход запрещен. Даже ребенок знает, – поучительно съязвил пан Пулавский. – Не то повадится каждый да в пищевой отсек с нестерильным, прошу прощения, естеством шляться! Что же это будет, я вас спрашиваю? А будет микробная инфекция и полное расстройство желудка!

– От вашего старта расстройство желудка! Когда уж тут разобрать: где питательный отсек и где отхожий, – развел руками Эстремадура. – Но по кораблю я отдежурю, сказал уж!

Пулавский тем временем пристально оглядел присутствующих. Все у всех к этому моменту было в полном ажуре. С легкой руки доктора Го пострадавшие привели костюмы в порядок и теперь несколько даже горделиво стояли навытяжку. Кэти Мелоун – оттого, что ей, даме, посчастливилось не опозориться перед начальством в лице пана интенданта. Фон Герке–Цугундер – тот немедленно принял высокомерно-пренебрежительный вид и взирал на сеньора Рамона как не в меру чистоплотный солдат на наглую вошь. Будто не он только что беспомощно спасовал перед собственными, донельзя уделанными штанами. Не приди на помощь магистр Го Цянь, и вид у комиссара вышел бы смешной и жалкий. А сам доктор Го все также невозмутимо стоял в сторонке, не сочувствуя и не порицая, лишь наблюдая всю сцену с философским безучастием.

– Пошли, чего там. Покажу, кому и с кем жить придется, – не слишком любезно проворчал пан Пулавский, глубоко вздыхая. – Личные вещи после из лучевой обработки заберете. Те, которые не личные, по списку выдам к обеду ближе. И кучей не ходите, у меня в каптерке не бальная зала.

Распределение по каютам-спальням прошло в довольно быстром темпе, хотя не обошлось без короткого, но малопродуктивного скандала. И свару, тут уж на звездах не гадай, начал, естественно, комиссар Цугундер.

– Отдельную! Я дважды подчеркнул в протоколе: о-т-д-е-л-ь-н-у-ю жилую площадь! У меня, может, циркуляры секретного содержания! Шифрованные!

– Тем более! Кто ваши шифры разбирать станет! А подштанники и вовсе воровать ни к чему. Размер у вас неподходящий, – довольно обидно намекнул Пулавский на полноватую, особенно в седалищной области, фигуру комиссара. – Опять же. Поселитесь не абы с кем. Вот вам в соседи уважаемый магистр Го Цянь. Для приятных просветительских бесед. Ну, чего вы жалуетесь?

– Я не хочу беседы! Я сам кого угодно просветить могу! На счет моих полномочий! Я требую, в конце концов! – не желал уняться по-хорошему Герке-Цугундер.

– А я вам заявляю! Во избежание депрессионного состояния по инструкции положено совместное проживание по два лица на одну каюту! У вас свой циркуляр, и у меня, положим, свой! Нечего тут обсуждать! Вот хоть нашего космобиолога спросите, – подлый интендант кивнул в сторону Арсения, разумно державшегося пока вне игры.

– Все верно. Распоряжение Конгрегации, составленное отдельно для экипажа «Пересмешника». По возвращению я должен представить отчет. И доложить о злостном невыпол-

нении согласно медицинским нормам страховки личности, – Арсений врал напрапалую, нес уже полную чушь, зато понятным для комиссара казенным языком. Не сделай он этого теперь, выяснение отношений между властью корабельной и властью земной могло затянуться на неопределенное время. Мадянову же сильно хотелось прилечь.

– А почему тогда у Командора Хансена одноместная спальня, ну-ка? – все же гораздо более мирным тоном спросил Герке-Цугундер, пытаясь выгадать напоследок хоть что.

– У Командора не спальня, но добавочный командный отсек! Командор если даже и спит, то на самом деле не спит, а так сказать, в полглаза блюдет на посту, – нравоучительно разъяснил разницу пан Пулавский. – Согласно уставному распорядку. – И тут же несколько утешил комиссара: – Да вы не переживайте так. Не захотите с доктором Го Цянем, не надо. Раз в квартале имеете право подать заявку на переселение. Дальше живите себе с кем хотите. Если другая сторона, само собой, взаимно согласится.

Таким образом скандал сошел на нет. Герке-Цугундеру пришлось смириться, а доктор Го и не думал возражать. Про себя Арсений отметил – распределительный список составил, без сомнения, кто-то из его коллег и составил очень мудро. В соседи привередливому комиссару тихий магистр фундаментальной философии при данных условиях подходил как нельзя лучше, что было также хорошо для создания и упрочения мирной обстановки на корабле. Интересно теперь, а с кем же выпадет делить жизненное пространство самому Арсению? Вообще-то доктор Мадянов ничего слишком приятного для себя не ждал, все же Э-психолог, значит, его напарник будет из самых беспокойных. Честно говоря, Арсений предполагал именно себе скандального комиссара и оттого несказанно удивился, когда сия горькая чаша прошла мимо него. Пятая каюта, ага! Вот и его собственное лицо смотрит и улыбается с голограммы на двери. Крайне неудачный ракурс, словно владелец этого лица как нализался с утра пораньше, так и продолжает взирать на мир с блаженной дурацкой ухмылкой. Ну да ладно, с голограммы не воду пить! А рядом, надо же! Достался в компаньоны не кто иной, как удалой пилот второго ранга Галеон Антоний. Этому-то зубоскалу и сквернословному хулителю безруких интеллектуалов на что сдался Э-модулярный психолог? Вполне возможно, здесь имеет место умышленный педагогический прием, раньше был принят в очень дальних путешествиях. Сформировать заранее здоровый костяк из уравновешенных и устойчивых к стрессам личностей, а вокруг уже пусть группируются все остальные, натурой по-нежнее. По правде говоря, Арсений вовсе не имел возражений против общества Гента, имей он выбор, так лучше бы не придумал. Ну хоть в чем-то повезло!

Тем временем пассажиры разошлись устраиваться на местах. Пан интендант увел за собой запечалившегося Эстремадуру, тому не только выпало тридцатидневное рабство, но еще в придачу и совместное проживание со своим рабовладельцем. Однако вряд ли это было сделано нарочно. Попросту так для астрофизика на сей раз сошлись несчастливые звезды.

Для гражданского населения «Пересмешника» распорядок дня соответствовал стандартным дневным суткам, по двадцать четыре часа, из них восемь на сон. Каков был регламент у экипажа, Арсений пока не знал, все же космогаторы живут согласно собственному времени, и не всегда это время сочетается с нормальным человеческим расписанием. Все равно доктору в силу профессиональных обязанностей предстояло узнать подробности биологических ритмов каждого, поэтому Арсений не очень пока любопытствовал на этот счет.

В новом обиталище ему, честно говоря, делать было совсем нечего. Спать Мадянову не хотелось. Заняться обустройством? Дохлый номер: личные вещи загорали в непонятной стерилизационной камере на предмет неведомо чего. Скорее всего, очередная инструкция, пропитавшаяся микробами воинствующего дебилизма по мере прохождения начальственных инстанций сверху вниз. Зачем облучать мертвые предметы, среди которых, кстати, могут быть и ценные, и не терпящие жесткой обработки, если кругом полно живых людей, от гланд до слепой кишки начиненных всяческой микроскопической флорой и фауной? На борту чудный

квазибиотический регенератор, почти столетний запас иммунных регуляторов-прививок (сам Арсений и расписывался в их получении), ничего, кроме пятиминутной дизентерии или однодневной ангины, приключиться не может в принципе. Но человека-то в лучевую камеру не сунешь, потому как помрет, сволочь. А заботу об экспедиции показать надо. Вот и придумал некий инициативный дурак никому не нужную полумеру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.